

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

СОБРАННЫЯ

П. В. ШТЕЙНОМЪ.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1877.

ПЬСНИ БЫЛЕВЫЯ.

Про Илью Муромца.

1.

(Симбирской губ., Корсунск. уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про стараго казачка, Плью Муромца.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
По чистому полю похаль * погуливать.
Не пыль-то въ полѣ запылилася,
Не туманъ-то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистомъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ ёмъ добрый конь,
А запылилася за ёмъ сила добрая.
И подѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,
На дороженькѣ лежитъ бѣль горючъ камень;
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
«По которой мнѣ дороженькѣ иди, ѣхати:
«Во право мнѣ ѣхать—женатому быть,
«А во лѣво ѣхать—богатому быть,

* Поѣхаль.

«А прямо ѣхать—убитому быть.
 «Мнѣ женатство-то не ко младости,
 «А богатство мнѣ—не къ разуму.
 «Дай поѣду, я поѣду по этой по дороженькѣ,
 «По которой мнѣ убитому быть.»
 И повстрѣчались ему станишнички:
 «Ужь и ой еси вы, станишнички,
 «А по русскому васъ назвать разбойнички!»
 А станишнички сомигнулись,
 Сомигнулись и улыгнулися.
 «Вамъ убить то меня не за что,
 «А взять то вамъ съ меня нечево:
 «Камзолецъ на мнѣ во пять сотъ рублей,
 «А колпачекъ на мнѣ во всю тысячу,
 «А коня то на базаръ я не вываживаль,
 «Цѣнъ-то ему не прикладываль.»
 А станишнички сомигнулись,
 Сомигнулись и улыгнулися.
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Сталъ пострахивать,
 И свой тугой лукъ сталъ натягивать,
 И пуцаетъ свою кленову стрѣлу,
 И пуцаетъ во сыръ во матерый дубъ,
 И ращипъ дубъ во ножевы черенья.
 Станишнички испужалися,
 И всѣ врозь разбѣжались,
 Въ третьи суточки на то мѣсто собиралися:
 — Ужь и ой еси старой казакъ,
 — Старой казакъ, Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
 — Возьми къ себѣ насъ во товарищи,
 — Во Донскіе во козаченьки! —

(Отъ плотника Егора, — лѣтъ за 30, человекъ бывалаго).

2.

(Той же губ. и того же уѣзда, выслокъ Александровка).

Не дорого намъ пива пьянаго,
 А дорога намъ бесѣда смиренная.

Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ рѣчи хорошія:
 Въ селѣ было во Муромѣ,
 Во деревнѣ было Корочаровѣ,
 Жилъ былъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Сынъ Ивановичъ, богатырскій сынъ.
 Онъ просилъ у своего батюшки
 Великаго благословеньица:
 «По дикой стени мнѣ погуляти,
 «Добра коня понаѣздити.»
 Онъ и ѣхалъ путемъ, дороженькой,
 Онъ подѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
 И началъ себѣ думу думати,
 Думу думати, думу крѣпкую:
 «По которой мнѣ будетъ ѣхать дорожинькѣ:
 «Ежели по праву ѣхать—богатому быть,
 «А по лѣву ѣхать—женатому быть,
 «А по средней ѣхать—убитому быть.
 «Мнѣ женитьба не ко младости,
 «А богатство мнѣ не къ радости;
 «Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убитому быть;
 «Убить-то меня не за что.»
 Подѣзжалъ-же ко Окѣ рѣкѣ,
 Черезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
 Рѣзвыхъ ногъ не обмакивалъ.
 Тутъ стояли-же воры и разбойнички,
 По русскому придорожиньки.
 Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
 Пукалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
 Рацшаль дубокъ въ ножевыя черенщи,
 И тутъ воры-разбойники испугалися,
 По дикой стени растрѣялися,
 По камышнички размирялися.

(Отъ крестьянина Кузьмы Ослова, уроженца Нижегород. губ.)

3.

(Той же губ. и того же уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
 Намъ не жалко зелена вина,
 Только жалко смиренную бесѣдушку.
 Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ они рѣчи хорошія
 Про стараго казачка, Плью Муромца.
 Изъ-за горъ было, горъ высокіихъ,
 Изъ-за лѣсовъ, лѣсовъ темныхъ,
 Не бѣла заря занималася,
 Не красно солнце выкаталося:
 Выѣзжалъ тутъ добрый молодець,
 Добрый молодець, Плья Муромецъ
 На своемъ конѣ богатырскимъ;
 Побѣляла его головушка.
 Носѣдѣла его бородушка.
 Ѣдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
 Подъѣзжаетъ добрый молодець
 Ко тремъ ко дороженькамъ,
 Ко дороженькамъ ко широкимъ.
 На дороженькѣ бѣлъ горячъ лежалъ камень,
 На камнѣ печать положена:
 «По которую мнѣ доброму молодцу
 «Будетъ ѣхать по дороженьку:
 «Есть по средней дорожкѣ ѣхать—быть убитому;
 «По лѣвой сторонукѣ ѣхать—быть богатому;
 «По правой мнѣ ѣхать сторонукѣ—быть женатому:
 «Мнѣ жениться не ко младости,
 «А богатство мнѣ не къ разуму;
 «Побѣду, добрый молодець, по средней по дороженькѣ.»
 На той на дороженькѣ стоялъ сыръ матерый дубъ,
 Подъ дубомъ стоялъ станъ разбоишчиковъ,
 Ихъ не много, ихъ не мало—сорокъ одинъ человекъ.
 И завидѣли они пдалека русскаго богатыря,
 Выходили къ нему по пяти и по десяти человекъ.
 Ихъ сердца на его коня богатырскаго разгорѣлися,
 Межь себя они разговаривали:
 — Что мы жили, такого коня не видывали:

— Ужь ты стой, постой, добрый молодець!
 — Ужь ты стой, постой, Русскій богатырь! —
 «Охъ вы братцы, товарищи! Съ меня вамъ взять нечего!
 «Я своего коня на базаръ не вживаль,
 «Никто цѣной его не окладываль;
 «На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,
 «На мнѣ шапочка во три сотенки;
 «Рукавички на мнѣ въ одну сотенку.»
 Вынимаетъ добрый молодець,
 Вынимаетъ Илья Муромецъ
 Изъ колчана калену стрѣлу,
 Натягаетъ тугой лучокъ,
 Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:
 Онъ рандитъ его во мелки кусочки.
 Разбойнички всѣ перепугнулися,
 Они всѣ врозь отъ него разбѣжались,
 На третьи сучочки къ нему собралися:
 — Ужь ты, добрый молодець, Русскій богатырь!
 — Ты поди къ намъ во товарищи;
 — Сколько хочешь бери золотой казны,
 — Платья цвѣтнаго, лошадей и табуны!
 Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:
 «Охъ вы, братцы мои, неприятели!
 «Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;
 «Покажите мнѣ дороженьку
 «По Черниговъ градъ проѣхати,
 «Черезъ горы Сарачинскія,
 «Черезъ лѣса, черезъ Брымскіе,
 «Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»
 Поѣхаль Илья Муромецъ,
 Поѣхаль путемъ-дорогою;
 Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же:
 Полетѣлъ и встрѣчаетъ его.
 Напустилъ на него громкій свистъ;
 Илья Муромецъ на него разгорчился,
 Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
 И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,
 И сшибъ его какъ овсянаго снопа;
 Заложилъ его Илья Муромецъ
 Во торока свои крѣпкіе,

И поѣхаль путемъ прямой дорогою,
Въ Кіевт градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.

У Кіевского князя было собраніе:
Всѣ князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ въ палаты восходилъ,
Поклонился князю Кіевскому.

«Ужь ты что и какой ты богатырь?»

— Богатырь я самъ Илья Муромецъ.—

Кіевскій Князь распрошати его сталъ:

«Ужь ты что есть за такой богатырь?»

«Гдѣ проѣхаль, проѣзживаль?»

— Черезъ горы ѣхаль Сарачинскія,

— Черезъ лѣса ѣхаль Брымескіе.—

— Тутъ ништо конный не проѣзживаль,

— Ништо иѣшій не проѣхиваль?

— А я проѣхаль, Илья Муромецъ,

— Соловья разбойничка во илѣнь его взялъ?—

Кіевскій Князь сталъ говорить ему:

«Ужь ты Илья добрый молодець,

«Возьми его къ себѣ во палатушки,

«Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати!»

Илья Муромецъ, добрый молодець,

Посадилъ его на лѣвую ручешку,

Приказаль ему посвистати:

«Соловей разбойничекъ посвищи не во весь свистъ,

«Посвищи-ка Соловей разбойничекъ, въ полсвиста».

Соловей разбойникъ разгордился,

Засвисталь онъ во весь свистъ—

Во всѣ бесѣдушки люди перенужались.

(Отъ ратника Н. Карповенкова).

4.

(Той же губ. и того же уѣзда, выселокъ Александровка).

Какъ по морю, морю Хвалынскому,

Плаваль тутъ корабъ ровно тринадцать лѣтъ,

На якорѣ корабъ не останавливался,

И ко бережку корабъ не приваливался.

На батюшкѣ, на Соколѣ, на черномъ кораблѣ,
 Было два торга и четыре кабака,
 Было два богатыря сильные, могучіе:
 Первый богатырь—Симеонъ молодой,
 А другой богатырь—Илья Муромецъ.
 На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
 Льва пола въ пять сотъ рублей,
 Правая пола во всю тысячу,
 Всей то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
 Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
 Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
 Его пуговики разбѣлѣлися,
 Его петельки разгорѣлися,
 На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
 По лютому звѣрю, по заморскому льву.
 Думали-гадали станишнички,
 По русскому назвать-воры, разбойнички,
 Думали-гадали, какъ корабль, разбить
 Корабль разбить, Илью во полонъ взять.
 Его лютые звѣрья разревѣлися,
 Всѣ станишнички перепугалися,
 Во легкія во лодочки пометалися,
 По синему по морю разстрѣлялися,
 Въ третій день сходилися,
 И звали его во товарищи:
 — Ты будешь у насъ атаманушкой. —
 «У отца я былъ, у матери,
 «Не охочь я былъ стадо пасти:
 «По лѣсамъ то я не стаивалъ,
 «По дорогамъ-то не ѣзживалъ.
 «Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣса Брымскіе,
 «Черезъ лѣса Брымскіе, черезъ горы Сарачинскія».
 — Тутъ дорога запапа тридцать годовъ:
 — Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ,
 — Гнѣздо свилъ на семи дубахъ. —

Не доѣхалъ онъ за тридцать поприщевъ,
 Конь его спотыкаться сталъ:
 «Ну-ка ты конь, вороній кормъ!
 Не видавши страсти, ужасты, спотыкаться сталъ!»
 Пріѣзжаетъ ко царю ко Владиміру,

Сидятъ богатыри во бесѣды;
 Входитъ въ палату, молится чужимъ образамъ,
 Поклоняется на всѣ стороны,
 Величаетъ царя Владиміра.

(Отъ 80-ти-лѣтняго старика слѣща.)

5.

Какъ во городѣ во Муромѣ,
 Въ селѣ было Карачаровѣ:
 Не сильная погода поднималася,
 Не зелена дубрава разшумѣлася,
 Не бумажные листочки разстилаются,
 Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится,—
 Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью,
 Онъ ни просить ни золота, ни серебра:
 «Не надо мнѣ одежды драгоценныя
 Не прошу у васъ закону, молодой жены, —
 Вы пожалуйте мнѣ велико благословеньице
 Мнѣ во Кіевъ ко заутрени,
 Мнѣ во Царь-градъ ко обѣденкѣ,
 Мнѣ послушать четья-пѣнья церковнаго,
 Да еще послушать звону колокольнаго.»
 — Охъ ты гой еси, чадо милое!
 — Молодешенекъ Ильюша похваляется,
 — Какъ во дальнюю дорогу собирается,
 — Эта дороженька не малая,
 — Скоры гонцы гоняють черезъ двѣнадцать дней,
 — Воловымъ шагомъ-два мѣсяца. —
 Поспѣваетъ Ильюша на своемъ добромъ конѣ,
 Не держали Ильюшу ни горы, ни доли,
 Не быстрыя рѣки, ни темные лѣса;
 Погоняетъ своего коня по крутымъ бедрамъ,
 Пробиваетъ у добра коня тѣло до бѣлыхъ костей,
 Поспѣшаетъ Ильюша къ обѣденкѣ.

(Зап. И. Ив. Акутинымъ въ Самарѣ.)

Про Добрыню Никитича.

(Енисейск. губ. Минусинск. округа, с. Верхне-Кужебарское).

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
 Не кудрявая ко сырой да приклоняется;
 Ужь какъ кланяется сынъ да своей матушкѣ,
 Добрый молодець Никитушка Добрыничъ-сынъ
 Что честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ:
 «Ужь ты гой еси, родимая моя матушка,
 «Что честна вдова Афимья Александровна!
 «Ужь ты дай мнѣ ка свое благословеньице,
 «Мнѣ-ка ѣхати да во чисто поле,
 «Что искать себѣ названнаго брателки,
 «Что стараго казака да Илью Муромца!»
 — Какъ возговорить ему да родна матушка:
 «Ужь ты гой еси, родимо мое дитятко!
 «На кого ты оставляешь свою матушку,
 «На кого ты покидаешь молоду жену?»
 — Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодець:
 «Оставляю я васъ, матушка, на Бога.»
 Что даетъ ему мать свое благословенье:
 «Благословить тя Богъ, мое дитя родимое!
 «Что на добрыя дѣла и всѣ подвиги!
 «Ужь ты ѣзди-ко дитя во чистомъ полѣ,—
 «Чистехонько, хорошѣхонько!»
 Тутъ началъ сряжаться добрый молодець;
 Онъ въ сѣдельце черкасское коня сѣдлалъ,
 Во уздицу во тесменную зауздывалъ,
 Что бралъ нитку шолку шамаханскаго,
 Да тугой лукъ и калены стрѣлы.
 Осѣдлавши онъ садился на добра коня,
 Самъ возговорилъ таковы рѣчи:
 «Ужь ты гой еси, родима матушка,
 «Что честна вдова Афимья Александровна!
 «Ты жди ко-ся меня ровно три года;
 «Ты не дожدهшься меня ровно въ три года,
 «Ты бери мои золоты ключи,
 «Отпирай-ка тогда золоты ларцы,
 «Вынимай мою золоту казну,

«Подавай ее по попамъ, по монашенкамъ,
 «По честнымъ по родителямъ,
 «Поминайте меня добра молодца!
 — А ты гой еси, моя молода жена!
 «Хороша Настасья, дочь Никулишна!
 «Ужь ты жди меня ровно девять лѣтъ;
 «Если въ девять лѣтъ меня не дождешься,
 «Хоть замужъ пойдн, хоть вловой сиди!»
 Ужь какъ видѣли добра молодца, какъ коня сѣдлалъ,
 А не видѣли, какъ съ двора сѣзжалъ.
 Что не пылъ столбомъ поднималася,—
 Одна откопотъ оставалася,
 Какъ уѣхалъ Никитушко во чисто поле,
 Добрыничъ свѣтъ во раздольице.
 Онъ годъ ѣздилъ по чистому полю,
 И не можетъ наѣхать Ильи Муромца.
 Съ той печали со кручинушки
 Натягаетъ онъ свой тугой лукъ
 И спускаетъ свою калену стрѣлу.
 Улетала та его стрѣлочка
 Во село ко Маринѣ красной дѣвушкѣ,
 Къ красной дѣвушкѣ да во высокъ теремъ,
 Во окошечко во косячатое,
 Во стеколышко во заморское.
 Увидалъ тутъ добрый молодецъ
 Во чистомъ полѣ бабушку задворенку.
 «Ужь ты гой еси, бабушка задворенка!
 «Ты сходи-ка къ Маринѣ красной дѣвицѣ
 «За моей ли то каленой стрѣлой!»
 Тутъ пошла бабушка задворушка скорѣшенько.
 Пришедши ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 Поклонилась ей низешенько,
 Говорила ей честнешенько:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Что послалъ меня къ тебѣ добрый молодецъ,
 «Добрый молодецъ Добрыня Никитичъ сыщъ,
 «Велѣлъ онъ тебѣ поклонитися,
 «И просить у тебя его калену стрѣлу».
 — Какъ отвѣтила Марина, красна дѣвица,
 Той ли бабушкѣ задворенкѣ:

«Кто эту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Пусть тотъ за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Съ тѣмъ отвѣтомъ бабушка задворенка
 Воротилась во чисто поле
 Ко удалу добру молодцу,
 Ко Никитѣ Добрыничу.
 А Маринка, красна дѣвица,
 Полетѣла вслѣдъ сорокою,
 Чтобы выслушать его рѣчи.
 Говорить ему тутъ бабушка задворенка:
 «Ужъ ты гой еси, удалой добрый молодецъ!
 «Отвѣтила мнѣ Марина красна дѣвица,
 «Что кто ту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Тотъ пусть за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Какъ отвѣтилъ добрый молодецъ
 Той бабушкѣ задворенкѣ:
 «Я не иду къ ней, сукѣ гончія,
 «Ко совѣ заморской, ко змѣѣ семиглавыя!»
 Что услышала таковы слова
 Та Марина, красна дѣвица,
 Отъ тѣхъ словъ она осердилась.
 Обернула за то Никитушку,
 Обернула туромъ золоты рога.

Черезъ дальнее перечаильце, (?)
 Шли калики перехожіи,
 Перехожіи, переброжіи
 До села его родной тетушки,
 Старой дѣвицы, Татьяны Александровны.
 Пришедши къ ней просятъ милостыню.
 Какъ спросить ихъ Татьянушка:
 «Вы отколь идете калики перехожіи,
 «Изъ какой страны изъ дальнія?» —
 Отвѣчали ей калики перехожіи:
 «Мы идемъ теперь изъ чиста поля.»
 — «Ужъ вы что тамъ въ полѣ видѣли?»
 — Ужъ мы видѣли въ томъ чистомъ полѣ
 «Три тура да три великіи,
 «Что единъ-отъ туръ да золоты рога».

—Говорила тутъ стара дѣвица
 Тѣмъ каликамъ переходимъ:
 «Вы послушайте меня, калики переходимъ,
 «Воротитесь вы въ обратный путь
 «Ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 «Вы снесите ей мою грамотку
 «И скажите ей со угрозою,
 «Чтобы того она тура—золоты рога
 «Отвернула бы въ прежній видъ;
 «Буде она меня не послушаетъ,
 «То я сама подымуся къ ней,
 «Оберну ее сорокой бѣлохвостю»
 «И пуцу летать весь вѣкъ безъ отдыху.»
 Тутъ калики послушались,
 Низешенько ей поклонилися,
 Поклонившись шли въ обратный путь
 Къ той Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 Принесли ей строгу грамотку,
 Говорили таковы слова:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Получи отъ нэсъ къ тебѣ грамотку,
 «Отъ родимой твоей тетушки,
 «Отъ Татьяны Александровны.»
 —Тутъ Марина испугалася,
 За ту грамоту робко принималася,
 И читала ту грамоту скорешенько.
 Прочитавши пошла во чисто поле
 И кричала тура-золоты рога.
 Прибѣжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
 Тутъ стала она тура уговаривать:
 «Ужь ты гой еси, могучій, сильный богатырь,
 «Что удалый добрый молодецъ Никитушка!
 «Ты возми меня за себя замужъ.»
 —Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Еще есть у меня молода жена,
 «Хороша Настасья дочь Никулишна.»
 Тутъ Марина повинялася,
 Говорила ему таковы слова:
 «Ужь я думала, что ты холостъ есть.»

Во пути-то во дороженькѣ
 Девять лѣтъ Никитѣ миновалося.
 Его мать родна и молода жена
 Дожидалися, дожидалися,
 Не могли его дождатися.
 А жена то его была умная,
 На ней стали сваты свататься.
 Тутъ позволила его мать родна,
 Позволила ей замужъ идти,
 За Алешеньку за Поповича.
 Повелись тутъ пиры, столы свадебны;
 И поѣхали они ко Божьей церкви,
 Ко святому храму вѣнчатися.
 Провожала ихъ его матушка,
 У високаго терема съ дубова крыльца
 Горючими слезами заливалася,
 Во слезахъ она рѣчь промолвила:
 «Что не знаетъ-то и не вѣдаетъ
 «Мое милое чадо, Никитушка,
 «Что идетъ замужъ его молода жена
 «За Алешу за Поповича.»

На ту пору, на то времячко,
 Не ясенъ соколъ пролетывалъ,
 Не ясной-то онъ пропархивалъ,
 Какъ прѣхалъ Никита изъ чиста поля,
 А Добрыничъ свѣтъ изъ раздольица.
 Онъ скрычалъ, сзычалъ громкимъ голосомъ:
 «Еще здравствуетъ ли тутъ честна вдова,
 «Честна вдова, Афимья Александровна?
 «Шлетъ тебѣ челобитье любезный сынъ —
 «Что Никитушка Добрыничъ свѣтъ.»
 Какъ услышала она таковы слова,
 Говорила она добру молодцу:
 — «Ужъ ты гой еси, пролетной младъ ясенъ соколъ
 «И проѣзжій добрый молодецъ!
 «Ужъ ты гдѣ видалъ Никитушку?»
 Не отвѣтилъ онъ ни одно слово,
 Приворачивалъ коня къ дубову крыльцу,

Онъ вязалъ коня къ золоту кольцу,
 Самъ упалъ ей во рѣзвы ноги,
 Говорилъ ей таковы слова:
 «Ужь ты здравствуй, моя мать родна,
 «Что честна вдова Афимья Александровна!
 «Что здорова ли моя молода жена?»
 Родна матушка тутъ заплакала,
 Во слезахъ ему слово молвила:
 «Ужь ты гой еси, любезный сынъ!
 «Ты Никитушка, Добрыничъ свѣтъ!
 «Какъ поѣхалъ ты во чисто поле,
 «Говорилъ ты намъ таково слово:
 «Девять лѣтъ тебя дожидатися;
 «Девять лѣтъ уже миновалося.
 «Не могли мы тебя дожидатися.
 «Твоя жена была умная, разумная,
 «На ней стали сваты свататься!»
 «Я дала ей благословенье замужъ ийти,
 «За Алешеньку да за Поповича,
 «И теперь у нихъ почестенъ пирь.»
 Какъ пріѣхали они ко Божьей церкви,
 Тутъ возговорить Никитушка Добрыничъ свѣтъ:
 «Ужь ты гой еси, родимая моя матушка!
 «Что честна вдова Афимья Александровна,
 «Ты дай-ка мнѣ свое благословеньице
 «Мнѣ-ка ѣхати къ Алешѣ на почестенъ пирь
 «И надѣтъ мнѣ платье скоморохово,
 «Взять съ собой гудки скомороховы».
 Какъ дала ему мать благословеньице,
 Тогда бралъ Никита золоты ключи,
 Отпиралъ свои ларцы кованые,
 Бралъ казны золотой сколько надобно
 И поѣхалъ Никита на почестенъ пирь.
 Пріѣхалъ онъ ко двору да ко Алешину,
 И давалъ слугамъ злата-серебра,
 Никто Никиту не задерживалъ.
 И входилъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
 Гдѣ Алешинька сидѣлъ съ молодой женой,
 За широкими столами за дубовыми.
 Не дойдя Никита низко кланялся:

«Еще здравствуй ты первобрачный князь
 «Со своей со княгиней—другобрачною!
 «Ты изволь-ка князь да слова молвити:
 «Мнѣ възграть въ гудки да скомороховы.»
 — Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
 «Ты играй, скоморохъ, сколько надобно!»
 Заигралъ онъ въ гудки да скомороховы.
 Тутъ Натальюшка да догадалася:
 Ужь какъ быть тѣмъ гудкамъ да Никитушки.
 Какъ возговорить Добрыня Никитичъ свѣтъ:
 «Ты позволь-ка мнѣ, первобрачный князь,
 «Со своею княгиней другобрачною,
 «Мнѣ налить тебѣ чару зелена вина,
 «А другую чару меду сладкаго.»
 —Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
 «Наливай, скоморохъ, сколько надобно,
 «Подноси-ко кому тебѣ хочется.»
 Наливалъ онъ чару зелена видна,
 Подносилъ его князю первобрачному,
 А другую чару меду сладкаго,
 И спускалъ туда свой злаченъ перстень,
 Подносилъ княгинѣ другобрачные,
 Подавалъ онъ чару, приговаривалъ:
 «Выпивать до дна, увидать добра,
 «А не выпивать до-дна, не видать добра.»
 Она выпила чару всю до-дна.
 Увидала она злаченъ перстень,
 Обручальный перстень со Никитою.
 Надѣвала перстень на праву руку,
 Выходила вонъ изъ-за дубова стола,
 Со слезами въ ноги Никитѣ падала:
 «Я твоя жена мужа перваго!»
 Тогда стоя Алеша призаплакался,
 Онъ всплеснулъ свои руки бѣды,
 Во слезахъ Алеша слово вымолвилъ:
 «Ужь вы гой еси, бояре и князья,
 «И всѣ мои гости любезные!
 «Я теперъ Алеша посмѣщенъ сталъ.
 «Ужь какъ всякой женится, сцаряжается,
 «Да не всякому женитьба удадается,

«Какъ мнѣ-то Алешинькѣ Поповичу,
 «Что не успано-то, не улежано,
 «За бѣлы груди не подержано.

Тутъ всѣ гости съ пиру собиралися,
 Собиравшись домой разѣѣзжалися,
 А Никитушка Добрыничъ свѣтъ,
 Уводилъ домой молоду жену,
 Что Настасью дочь Никулишну.—

(Зап. Кн. Н. А. Костровымъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

2.

(Симб. губ. Кореунск. уѣзда, выселокъ Александровка).

Добрыня былъ Микитинъ сынъ,
 Три года Добрыня хлѣбничаль,
 Три года горшечничаль,
 Три года приторговываль,
 Три года приворовываль,
 Три года по Киеву гуляль.
 Спрашиваль Добрыня:
 «Гдѣ Маришкинъ дворъ?»
 Маришкинъ дворъ на семи столбахъ;
 У Маришкина двора два терема стоятъ,
 Два терема златоверховые,
 На домахъ два голубя сидятъ.
 Въѣзжаетъ Добрыня на широкой дворъ,
 Сымаетъ со плечъ тугой лукъ,
 Накладываетъ калену стрѣлу,
 Убиваетъ сиза голубя,
 Того ли змѣя Притугальника,
 Маришкина друга милаго.
 Закидалася Маришка, заметалася,
 Въ цвѣтно платьѣ наряжалася,
 Брала Добрыню за бѣлыя руки,
 Вела въ палаты каменные,
 Сажала за столы дубовые,
 За скатерти бранныя,

Отпирала темны заходы,
 Наливала зелья лютаго
 Подносила Добрынюшкѣ:
 «Выкушай Добрыня, Микитинъ сынъ!»
 —Прежде хозяина и попъ не пьеть.—

(Запис. мною огъ 80 лѣти. старика слѣпца.)

3.

(Моск. губ. въ г. Коломнѣ)

Изъ славнаго изъ города изъ Царя было града—
 Выѣзжаетъ тутъ Добрыня сильный, славный богатырь,
 Онъ и хвалится, выхваляется славный городъ Кіевъ взять.
 «Я и Кіевъ славный городочекъ мимоходомъ его возьму,
 «А Илью Муромца, Пльюху, въ ногахъ его стопчу,
 «А Россійскаго князя Владиміра мечомъ голову срублю.»
 Илья Муромецъ, Ильюша, призадумавши стоять,
 Онъ повѣсилъ свою буйную головушку ниже могучихъ плечъ.
 Что не пылъ то въ полѣ пылить, не дубравушка шумить,
 Илья Муромецъ свою збрую шевелить.
 Онъ осѣдываетъ своего добраго коня,
 Онъ накладываетъ сѣдельцо новое черкасское,
 Онъ подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
 Онъ подтягиваетъ двѣнадцать пряжекъ серебряныхъ,
 Онъ не для красоты, а для крѣпости.
 И поѣхалъ Илья Муромецъ во чистое поле.
 Онъ встрѣчаетъ, Илья Муромецъ, Добрыню богатыря.
 Побѣдилъ Илья Муромецъ Добрыню богатыря,
 И предалъ его Добрынюшку злой смерти.

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

Чурилушка Пленковичъ

Чурилушко Пленковичъ, доброй мододецъ,
 Вставай по-утрушко ранешенько.
 Снаряжайся, Чурило, хорошехонько,
 Обувай сапожки на ножки—зеленъ сафьянъ,
 Зеленаго сафьяну турецкаго,
 Баскаго покрою нѣмецкаго,
 Щегольскаго шитья Новгородскаго—
 Подъ пята-пята воробей пролетаетъ.
 Наливаетъ онъ тазъ ключевой воды,
 Умываетъ Чурило лице бѣлое,
 Утираетъ Чурило въ тонко полотно,
 Надѣваетъ Чурило цвѣтно платье,
 На головушку шапочку въ пятьсотъ рублей.
 Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
 Сзади бы не видно кудерь желтыхъ.
 Ходить Чурилушко Пленковичъ
 Во стойло во конинное,
 Онъ беретъ себѣ коня да мелатарманка,
 Сѣдлаетъ сѣдельшко черкасское,
 Онъ подтягиваетъ 12 крѣпкихъ подпруговъ;
 Подпруги были шелковыя,
 Шелку были немахинскаго,
 Не ради красы, а ради крѣпости
 Только видѣли Чурилушку.
 Сидючи на добра коня, —
 Не видѣли Чурилушку повѣдци,
 Видѣли во чистомъ полѣ куревку.
 Увидѣла Катерина Микулична,
 Поскорешенько въ оконечко бросалася:
 «Слава Богу да слава Госноду,
 «Что прѣхаль Чурилушко Пленковичъ.»
 Она скоро тугъ шла по новымъ сѣнямъ,
 Отпирала тутъ двери дубовыя,
 Встрѣчала Чурилушку Пленковича,
 Брала его за бѣлы руки,
 Человала его да въ сахарны уста;
 Она провела во свѣтлую свѣтлицу,

Садила на стульица кленовыя,
 За эти за столы, за дубовыя;
 Нанесла ѣства сахарниш,
 Налила питья медьяныя,
 Подходящи ко столу да покланялася:
 «Что кушай-ко гостьюшко родимой.»
 Садилася она вмѣстѣ кушати съ нимъ.
 Схватилася Катерина Микулична
 За этого коня да вѣдь за добраго.
 Она скоро тутъ шла широкимъ дворомъ,
 Отворяла воротечка широкія;
 Она брала Чуриловина конюшка,
 Она вела на стойло на кониное,
 Она сыпала ишонушки сытнѣи.
 Приходила тутъ во свѣтлую свѣтлицу,
 Она брала дощечку да шашечку:
 «Станемъ-ко, Чурилушка,
 «Во шашки играть.»
 Они часъ-то—ть играли.
 Тутъ и спроговорить Чурилушка:
 — Ай же ты, Катерина Микулична,
 — Лучше сядемъ на кроваточку забавимся. —
 Изъ заднихъ воротъ да изъ челядинныхъ
 Тутъ увидѣла дѣвченочка черная,
 Она черна злодѣйка челяденная,
 Испроговорить Катеринѣ Микуличнѣ:
 «Это што у тя, Катерина, за гость гостить,
 «Будто братъ родной?
 «Донесу Бермасу сыну Васильевичу.»
 Испроговорить Чурилушко Пленковичъ:
 — Ай же ты дѣвченочка черная,
 — Не доноси на Катерину Микуличну,
 — Вотъ тебѣ полтина на бѣдилушка,
 — И другую тебѣ дамъ да на румянушка,
 — Вотъ-те третья полтина на костьючъ-сарафанъ.
 — Ай же, ты дѣвченочка черная,
 — Вотъ тѣ шапочка въ пятьсотъ рублей,
 — Нушiesta, ушiesta, завнсиеста,
 — Чтобы спереди невидно лича черпаго,
 — Чтобы сзади не видно пучка вшиваго. --

Тутъ спроговорить Катерина Микулична:
 «Лучше эти полтинушки мнѣ отдай,
 «А эту шапочку самъ сноси.»—
 Поворотъ держитъ дѣвчинушка черная,
 Она скоро-то шла по чисту полю,
 Поскорѣ того да во Божью черкву.
 Некрестя она идетъ да лича чернаго.
 Увидаль да Бермасъ сынъ Васильевичъ
 Онъ вѣрную свою да ту служаночку,
 Подходяйи жъ онъ къ ней поближешенько,
 И разговариваетъ ричь да умильнешенько:
 «Ай же моя вѣрная служаночка,
 «Со какимъ идешь со радостнымъ извѣстиемъ?»
 Спроговорить дѣвченочка черная:
 —Какъ у твоей Катерины Микуличны
 —Да гость гоститъ, будто братъ родной.—
 Тутъ ужъ онъ запирае книги да Божьи,
 Замыкаетъ церкви онъ священныя,
 Садится тутъ онъ да на добра коня,
 Поѣзжаетъ онъ да къ своему дому.
 Увидала тутъ Катерина Микулична,
 Что приѣхалъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ:
 Куды класть Чурилушку Пленковича?
 И спроговорить Чурилушко Пленковичъ:
 «Ай же Катерина Микулична,
 «У васъ есть то въ домѣ да кованы ларцы,
 «Вы замкните меня во кованный ларець.»
 Какъ пошла она по новымъ сѣнямъ,
 Тутъ встрѣчала она да своего мужа.
 «Что же ты, Катерина Микулична,
 «Въ одной рубанкѣ безъ костычка, *
 «Въ однихъ чулочикахъ, безъ башмачковъ.
 Отвѣчатъ тутъ Катерина Микулична:
 —Послѣ васъ то вѣдь я да понеразмоглась.—
 Поворотъ тутъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
 Къ той дѣвченочкѣ черной:
 «Стала говорить, такъ договаривай,

* Саранана.

«Стала доказывать, доказывай.»

Пспроговорить дѣвченокча черная:

— Ай же ты, любимой нашъ хозяйнушко,

— Сходите вы на стойку на кониную,

— Тамъ увидаете конюшка Чурилина. —

Сходилъ то Бермасъ да сынъ Васильевичъ

На стойло на кониное,

Увидалъ тамъ конюшка Чурилина.

Тутъ приходитъ онъ ко своей Катеринѣ Микуличнѣ:

«Что же есть Чурилино конишечко?»

Отвѣтъ держитъ Катерина Микулична:

— Во чистомъ полѣ оны да разѣѣжаются

— Со моимъ оны братцемъ родимымъ,

— Оны другъ другу встрѣчу стрѣчались,

— Оны златыми крестами побраталися,

— И добрыма конями помѣнялися.—

И поворотъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ

Онъ ко своей ко вѣрной служаночкѣ:

«Что знаешь, такъ теперъ же ты доказывай.»

Пспроговорить вѣрная служаночка:

— Ай же ты, любимый нашъ хозяинъ,

— Извини, прости ты насъ да во всей глупости,

— У васъ есть то въ домѣ кованы ларцы.

— Ты возми ко ларець да во бѣлы руки,

— Подъими-ко ларець да выше головы,

— Ты пусти ко ларець да на дубовый полъ—

— На три части ларець да поразлетится,

— Оттуль выскочитъ Чурилушко Пленковичъ.

Поскорешенько онъ тутъ поворачается

Во свои во свѣтлыя свѣтлицы:

Тутъ бралъ онъ свои да кованы ларцы;

Онъ кидаетъ ларець да о дубовый полъ—

Оттуль повыскочилъ Чурилушка Пленковичъ.

Молодецкое сердечко разгорѣлося...

Онъ беретъ да свою саблю острую

Срубилъ тутъ у Чурилы буйну голову:

Онъ сдымаетъ саблю да выше головы,

Срубить хочеть у Катерины буйну голову.

Съ горючьми слезми она да помолилася,

Своему да мужу покорилася,

Чгобъ не срубилъ бы онъ да буиной головы.
Молодецкое сердечко уходилося.

(Рубнежье. Зап. Е. В. Барсовъ, сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Изъ времянь татарщины

1.

Иск. губ. Островскаго уѣзда.

Не вода въ города понахлынула—
Злы татарины понаѣхали.
Какъ меня молоду въ полонъ берутъ,
Во полонъ берутъ, полонить хотятъ.
Ахъ ты, батюшка, выкупай меня!
Ты давай за меня сто городовъ,
Сто городовъ, сто и пригородковъ.
—Не вода въ города понахлынула,—
Злы татарины понаѣхали.
Какъ меня молоду во полонъ берутъ,
Во полонъ берутъ, полонить хотятъ.
Ахъ ты, матушка, выкупай меня!
Ты давай за меня сто локоть полотна...

(Очевидно неоконченная. Сообщ. П. А. Семевскимъ.)

2.

(Вягск. губ.)

Не снала бъ я, не дремала,
Ничего во снѣ не видала, 2.
Только видѣла одинъ шатрикъ. 2.
Что въ томъ шатрикъ злой Татаринъ, 2.
Передъ нимъ стоитъ русска дѣвка, 2.
Она плачетъ и възрыдаеть, 2.

Злой Тагаринъ унимаеъ:

«Ты не плачь, не плачь русска дѣвка! 2.

«Я куплю тебѣ синю шубу.»

—Мнѣ синей шубы не носити, 2

Зла Татарина не любити.»

«Ты не плачь, не плачь русска дѣвка!

«Я куплю тебѣ зарукавье.»

—Мнѣ рукавицы поносити,

Зла Татарина полюбити.

(Сообщ. Н. А. Александровымъ.)

3.

Я изъ Крыму, братцы, изъ Нагаю;

И (гдѣ?) стояли орды бусурманскія.

А ѣхали два братца родные;

Подъ большимъ-то братомъ конь уставаеъ,

А меньшей за большаго умираеъ.

Ай гой еси, мой братецъ родимой,

А я тебя братецъ носверстнѣ

А пѣшій ту дороженьку поведу.

Когда было добру молодцу время,

Народъ-господа его почитали,

А стало доброму молодцу безвременье,

Никто де молодца не почитаеъ,

А самъ себѣ молодець размышляеъ:

Сокодь ли то на семъ свѣтѣ не птица?

Га его то безвременье бываеъ,

Онъ пѣшій по чисту полю гуляеъ.

Худая га птичка куличонка,

И то надъ соколомъ насмѣялась,

Напередъ-то его залетѣла.

Вольная птичка пташечка перепелочка,

Куда она захотѣла, туда и полетѣла,

Гдѣ мѣсто излюбила, тутъ и сѣла,

Садилась вольна пташечка въ чистомъ полѣ

При широкой при Московской при дороженькѣ

Во бѣлую ярую во пшеницу,

Горемышную свою пѣсенку запѣла:
 Не ной, не ной ретивое сердечко,
 Не плачь, не плачь душа красная дѣвица, —
 Ни батюшка, ни матушка за мужъ выдала—
 Сама, увь, дѣвица похотѣла
 За вольнаго за низоваго бурлака; —
 Сказали: у бурлака денегъ много,
 У него одинъ хлысть да котомка вязовая,
 Котомка вязовая да бичевка пеньковая.

(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ. Самарск. губ.)

ПРО ВАНЮШУ КЛЮШНИЧКА

и

Князя Волхонскаго.

(Сарат. губ. Хвалыинск. у. с. Безобразовка.)

1.

Ахъ былъ я, братцы, во святой Русѣ,
 Во святой было Русѣ, въ каменной Москвѣ.
 Тамъ построены полаты новы каменные.
 Какъ во этихъ во полатахъ жилъ Волхонскій князь,
 Не одинъ то-онъ жилъ княжечикъ—съ молодой своей княгиней.
 У этого у князя былъ душа Ванюша—вѣрный ключничекъ.
 И жилъ душа Ванюша со молодой со княгиней со его,
 Ни сколько ни мало, ровнехонько три года.
 На четвертымъ на годочку самъ князь довѣдался,
 Самъ князь довѣдался, Волхонскій дослышался
 Отъ молоденькой дѣвченочки, отъ сѣнной,
 Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
 Выходилъ князь Волхонскій на крашенъ, на новъ крылецъ,
 Закричалъ князь Волхонскій громкимъ голосомъ своимъ:
 «Ужъ ты, душенька Ванюша, вѣрный ключничекъ ты мой!
 «Ты поди сюда Ванюша на крашенъ, на новъ крылецъ.»
 Какъ и взялъ его князь Волхонскій за правую руку,

Какъ повелъ князь Волхонскій въ особую комнату его,
 Какъ и зачалъ князь Волхонскій крѣпко Ванюшу спрашивать:
 «Ты скажи душа Ванюша всеё правду мнѣ,
 «Всеё правду мнѣ, правду истинную, —
 «Ты съ какого со время съ моей княгиней началъ жить?»
 — Знать то я не знаю, князь Волхонскій, и не вѣдаю. —
 И ударилъ князь Волхонскій по бѣлу Вани лицу,
 И по бѣлому по личику, по щекѣ румяной,
 Изъ бѣла лица кровь-руда брызнула,
 Изъ очей его ясныхъ слезы покатались, словно градъ.
 Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашёнъ бѣлъ крылець,
 Закричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги, мои слуги, слуги вѣрныя мои,
 Ужь вы стройте-ко, ребята, крашенныя рельица,
 И вейте поскорѣ шелковыя петельки,
 И повѣсьте вы, ребята, вѣрнаго моего ключника,
 Вѣрнаго моего ключника, душу Ванюшку.
 — Подвели душу Ванюшку къ крашеннымъ ко рельицамъ.
 И сталъ душа Ванюша крѣпко умаливати:
 «Ужь вы, братцы мои, ребята, прежніе товарищи мои!
 Вы подайте мнѣ гитару, я сыграю на нее.
 Онъ сталъ играть, играть, да приговаривать
 И всю правду зачалъ рассказывать:
 То-то ребята сколько было попито, поѣдено,
 Съ молодой княгиней сколько погуляно,
 И цвѣтное платьѣ сколько поношено.
 — И повѣсили Ванюшеньку за правое ребрышко.
 И онъ на рельцахъ качается, —
 Молода княгиня о немъ печалится.
 И на третій день княгиня сама скончалася,
 Подъ этими рельицами вострымъ ножикомъ зарѣзалася.
 Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашенъ на новъ крылець, —
 Закричалъ князь Волхонскій: хлѣбъ соль не кушати!

(Видно не кончена)

(Записана мною 23 Юля 1872 г. отъ крест. Ѳед. Сем. Вдовина.)

2.

(Томской губерні).

По Устрѣтенской большой улицѣ
 Строились полаты бѣлокаменны,
 Что во этихъ во полатахъ жилъ Волхонскій князь.
 У того ли было у князя собраніице не малое,
 Собиралися къ нему князья бояре все,
 Ужъ какъ сильные могучіе богатыри.
 Еще кто изъ нихъ хвалится своей сплюю,
 Еще кто хвалится золотой казною.
 А какъ нашему князю нечѣмъ похвалитися,
 Похвалился нашъ Волхонскій молодой женой,
 Молодой своей женой, душой княгинею.
 Выходила тутъ, выступала млада ключница,
 Ключница на ключника съ докладомъ шла:
 — «Охъ ты, гой еси, нашъ батюшка Волхонскій князь!
 — Пьешь ты, ѣшь, забавляешься,
 — Ничего же ты не знаешь, не вѣдаешь,
 — Какъ живетъ твоя княгиня съ младымъ ключникомъ,
 — Не годъ она живетъ, не два живетъ,
 — «Какъ живетъ твоя княгиня ровно три года. —
 Выходитъ князь Волхонскій на широкій дворъ,
 Засвистѣлъ онъ, закричалъ своимъ зычнымъ голосомъ:
 «Охъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
 — Вы подите, приведите ко мнѣ млада ключника.»
 Ужъ какъ ключница съ докладомъ шла:
 «Охъ ты, гой еси, ключникъ! тебя князь требоваль,
 Онъ министромъ тебя хочетъ жаловать,
 Не министромъ, думнымъ сенаторомъ.»
 Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,
 Засвистѣлъ, закричалъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:
 «Охъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
 Вы подите, приведите мнѣ добра коня,
 Добра коня виноходнаго,
 Засѣдаит е мнѣ его сѣдломъ черкасскимъ.»
 Бралъ себѣ ключничекъ плеть шелковую,
 Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,
 Какъ садился ключникъ на добра коня,
 Его добрый конь стоитъ не тряхнется,

Что у ключника кудри не ворохнутся.
 Оправлялся ключникъ на широкій дворъ:
 — «Вы прощайте мои слуги вѣрные,
 Слуги вѣрные мои неизмѣнные!»
 Прѣзжалъ ли ключникъ на широкій дворъ,
 Никому-то коня взять не приказывалъ,
 Ни къ столбу то его не привязывалъ,
 Ни къ кольцу-то ни къ злаченому,
 Заходилъ-то ключникъ во полатушки:
 «Охъ ты, гои еси, батюшка Волхонскій князь,
 Ты на что меня къ себѣ требовалъ?»
 — Ты послушай-ка, младъ ключникъ, хочу тебя жаловать,
 Министромъ тебя, думчимъ сенаторомъ,
 Промежду двумя столбами дубовыми,
 Перекладной тебя дубовою.
 Повели млада ключника на висѣлицу,
 Княгиня во палатахъ бѣсится,
 Ключникъ во петелькѣ качается,
 Во палатушкахъ княгиня кончается.

(Изъ ст. Г. Н. Потанина: «Югозападная часть Томской губ. въ этнограф. отношеніи» въ Этногр. сборникѣ изд. Имп. Геогр. Общ., выпускъ II, 186½ г. стр. 95-6.)

3.

(Пермск. губ. Камышлов. уѣзда.)

Какъ во далече-далече въ каменной Москвѣ,
 Въ той было улочкѣ Успенской,
 Тутъ живетъ-проживаетъ батюшка Волхонскій князь,—
 У него да проживаетъ молодой денщикъ,
 Молодой денщикъ да Ванька клюшничекъ,
 Молодой его княгини полюбовничекъ.
 Онъ не годъ живетъ, Ванюшка не два года,
 Онъ живетъ у него да три годочка,
 На четвертый годочекъ князь довѣдался,
 Самъ на него прогнѣвался.
 Выходитъ князь на высокъ балконъ;

И кличетъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Есть ли при мнѣ слуги,-слуги вѣрные мои?
 «Вы пойдите, приведите Ваньку ключника.
 Ведуть-то, ведутъ Ванюшеньку не пьянова,
 А ведутъ его избитова.
 Его буйная головунка изломана,
 Каленорова рубашка вся изорвана,
 Матерева жилетка кровью призабрызгана.
 Приводятъ Ванюшку ко князю кайтѣся.
 Началь его князь грозно спрашивать:
 «Ты давно ли, Ванюшка, съ княгиней знаешься!»
 Отвѣчаетъ князю Ванюша ключничекъ.
 «Я, сударь, не знаю, не вѣдаю...
 — Я за то тебя, Ванюшка, подарить хочу,
 — Двумя селами со деревнями...
 «Я самъ знаю про то вѣдаю:
 Хочешь ты дарить двумя столбами съ перекладиной,
 Четвертой то шелковой петелькой
 За мою вину, да за проступочку,
 За веселую мою да гуляночку.
 Не веди ты на насъ гнѣвъ да свою пѣнюшку,
 Веди ты гнѣвъ да на свою жену,
 На свою сусругу благовѣрную.
 За охотниками она была охочая...
 Не домолвилъ Ванюша ключничекъ,
 И ужъ качается въ шелковой петелькѣ,
 Между двумя столбами съ перекладиной.

(Записана Членомъ соотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. А. Я.
 Кокосовымъ.) (Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

4.

(Москва.)

Ужъ на горкѣ возлѣ рѣчки
 Стоялъ новъ высокъ теремъ;
 Ужъ и въ этомъ теремочкѣ,
 Жилъ да былъ Волхонскій князь.*

* Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,

Какъ у эвтаго-ль у князя
 Были слуги вѣрные,
 А ужъ всѣхъ то ихъ вѣрнѣе
 Былъ Ванюшка ключничекъ,
 Молодой его княгини
 Вѣрный полюбовничекъ.
 Ужъ и годъ любилъ Ванюша,
 Онъ другой любилъ.
 А на третій годъ про эво
 Самъ ли князь довѣдался,
 Черезъ сѣнную ли дѣвчонку
 Самую наскудную.*
 Ужъ и вышелъ князь Волхонскій
 Онъ на свой красецъ крылецъ;**
 Ужъ и крикнулъ князь Волхонскій
 Своимъ зычнымъ голосомъ:
 «Ой вы, гой еси, мои холопья,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы возьмите-ка, возьмите
 Заступы желѣзные,
 Вы копайте-ка, копайте
 Двѣ ямы глубокия,
 Вы поставьте тутъ, поставьте
 Два столба точеные,
 Вы кладите между ними
 Тонку перекладину,

Что еще того подалше—
 Во проселочкѣ во Дмитровскомъ —
 Тамъ живетъ-то, поживаетъ
 Батюшка Волхонскій князь.
 Не одинъ онъ поживаетъ—
 Съ молодой княгинею.
 Онъ не годъ то съ ней годуеть,
 Не другой годъ съ ней живетъ,
 Что на третьемъ на годочкѣ
 Скоро князь довѣдался
 Черезъ бестію каналью
 Да сѣнную дѣвку.
 На повое на крылечко.

Вы повѣсьте, вы повѣсьте
 Петельку шелковую;
 Вы подите, приведите
 Вора Ваньку клюшника.»
 Ой ведутъ Ванюшу,
 Руки ноги скованы,
 Шелкова его рубашечка изодрана,
 Его буйная головка
 До мозгу проломлена,
 А сафьяны сапожки
 Кровью залиты. *
 Ой ведутъ, ведутъ Ванюшу!
 Самъ князь усмѣхается:
 «Ты скажи, скажи, Ванюшка,
 «Ты скажи мнѣ, варваръ мой!
 «Ты съ какой норы со времени
 «Со княгиней свѣдался?
 — «Ничего, сударь, не знаю,
 — Ничего не вѣдаю.
 — Ужь и гдѣ-же мнѣ холопу
 — Со княгиней знатися?.....
 Закричалъ тутъ князь Волхонскій
 Своимъ зычнымъ голосомъ:
 «Ой вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
 — Вы повѣсьте-ка, повѣсьте
 — Вора Ваньку клюшника!
 — «Нѣтъ постойте-ка, постойте,»
 Вы мои товарищи!
 Ужь вы дайте мнѣ потѣшить
 Нашего боярина.
 «Ужь и третій годъ я, сударь,

* Что ведутъ Ванюшу
 За бѣлыя руки;
 Какъ у Ванюшки
 Головка проломлена.
 Горнетурова рубашечка
 Вся изодрана;
 А сафьяные сапожки
 Кровью принаполнены.

Со княгиней знаюся:
 Что въ этомъ теремочкѣ
 Много было гуляно,
 На пуховой ли перинѣ
 Много было лежано,
 За бѣлыя ли за груди
 Много было хватано,
 Про твою ли, сударь, милость
 Часто было ругано!>—
 —«Ну повѣсьте же, повѣсьте
 Вора Ваньку клюшника,
 Молодой моей княгинѣ
 Вѣрна полюбовничка!
 Ужь пускай же воръ Ванюшка
 Пускай покачается,
 Молода моя княгиня
 Пускай попечалится!»—

5.

(Воронежск. губ. Бобровск. уѣзда.)

Какъ поссорился Ванюша
 Со сѣнною дѣвушкой*,
 Что съ такою шельмою сѣнной—
 Съ самую послѣднюю;
 Начала эта дѣвчонка
 Угрозы угроживать:
 «Ты добро, добро, ты Ванюша,
 Добро шельма ключничекъ!»
 Что дойдутся эти рѣчи
 Рѣчи самому князю:
 «Охъ ты князь, князь нашъ Волхонскій,
 Все ты пьешь, гуляешь,
 Ничего ты въ своемъ домѣ,
 Не знаешь, не вѣдаешь,
 Что молода твоя княгиня

* Въ пѣніи каждое двустипіе повторяется два раза.

Живеть съ Ванькою клюшничкомъ!>
 Закричалъ же князь Волхонскій
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ой вы, слуги, мои слуги,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы подите, приведите
 Ко мнѣ Ваньку клюшничка,
 Молодой моей вотъ княгинѣ
 Вѣрна полюбовничка.»
 —Ты поди-ка, Ванюша,
 Поди, тебя баринъ зоветъ;
 Какъ и хочеть тебя баринъ,
 Хочеть тебя жаловать
 Какъ своимъ ли, своимъ, Ванюша,
 Своимъ воронимъ конемъ».
 Что идетъ, идетъ ли Ванюша,
 Идетъ широкимъ дворомъ;
 Какъ на Ванюшкѣ-то рубашка
 Съ кровью перемѣшана.
 Закричалъ же князь Волхонскій
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ вы, слуги, мои слуги,
 Вы подите-же, берите
 Лопаты широкія,
 Вы копайте, вы копайте
 Вы ямы глубокиа,
 Становите вы столбочки,
 Столбочки точеные,
 Вы кладите перекладъ,
 Перекладъ кленовый,
 Вы цѣпляйте, вы петельку
 Петельку шелковую! *

* Вы берите-тка ребята
 Лопаты желѣзныя;
 Ужь вы роите-ка, копайте
 Двѣ ямы глубокиа;
 Становите-тка ребята
 Два столба точеные,
 Вы кладите, ребята,

Закричалъ-та Ваня клюшникъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ ты, князь, нашъ князь, Волхонскій! *
 Прикажи мнѣ пѣсню спѣть: **
 «Что съ твоей молодой вотъ княгиней
 Попито, погуляно,
 Въ сахарныя вишь усточки
 Было поцѣловано!»
 Закричалъ тутъ князь Волхонскій
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ, вы слуги, мои слуги,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы возьмите же Ванюшку,
 Цапайте за голову!»
 Какъ и Ванюшка въ петелькѣ,
 Въ петелькѣ кочается,
 Молодая его вотъ княгиня
 Въ терему канчается,
 А какъ самъ то князь Волхонскій
 Стоитъ, улыбается.
 Выходила сѣнная дѣвка
 Самая послѣдняя:
 «Охъ, ты князь, князь нашъ Волхонскій,
 Загубилъ ты три души:
 Эхъ какъ двѣ души вотъ виновныя
 «Третья не виновная!» †

Перекладну дубовую;
 Вы вбивайте-тка, ребята,
 Два кольца золоченыя.

* Охъ ты, батюшка, Волхонскій князь!

** Во садкѣ во зелененькомъ
 Тамъ стояла ли, стояла
 Кроватка тесовая,
 Какъ на этой ли кроваткѣ
 Перина пуховая,
 Какъ на этой ли перинѣ:
 Ваня часто сиживалъ...

† По народному объясненію, это значитъ,—княгиня была беременна.

6.

(Калужск. губ.)

Ужь какъ жилъ-то, поживалъ
 Батюшка Волконскій князь.
 Какъ у этого у князя
 Былъ Ванюша клюшничекъ,
 Молодой его княгини
 Вѣрный полюбовничекъ.
 Ужь и годъ живетъ Ванюша,
 Ваня и другой живетъ,
 А на третій-то годочекъ
 Самъ-отъ князь довѣдался,
 Черезъ дѣвку, черезъ сѣнную,
 Черезъ самую послѣднюю.
 Выходилъ нашъ князь Волконскій
 На крыльцо высокое,
 Говорилъ нашъ князь Волконскій
 Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы возьмите-тка, возьмите
 Лопаты желѣзныя,
 Вы копайте-ка, копайте
 Двѣ ямы глубокиа,
 Вы поставьте-ка, поставьте
 Два столба высокіе;
 Положите-ка, положите,
 Перекладину кленовую,
 Вы возьмите, приведите
 Вора Ваню клюшничка,
 Молодой моей княгини
 Вѣрна полюбовничка.
 Пускай Ваница головушка,
 Пускай покачается,
 Молодая то княгиня
 Пущай попечалится.»
 Ведутъ Ваню, ведутъ Ваню,
 Ваню вора, клюшничка.

Какъ у Вани то головка
 До мозгу проломлена,
 А сафьяновы сапожки
 Кровью понаполнены,
 Миткалинова рубашка
 Вся на немъ изорвана.

(Записана А. Н. Афанасьевымъ.)

7.

Московск. губ., Коломна.

Любила княгиня своего лакея,
 Любила ровно четыре года.
 Увѣдалъ князь про княгиню,
 Что любить она своего лакея.
 —Есть ли у меня вѣрныя слуги,
 Вѣрныя слуги мои лакеи?
 Берите вы, слуги, тугіе луки,
 Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
 Въ бѣлое тѣло лакея,
 Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку. >—
 Увѣдала княгиня про своего лакея:
 —Есть ли у меня вѣрныя слуги,
 Вѣрныя слуги мои лакеи?
 Вяжите, вяжите шелковы неводы,
 Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
 Ловите, ловите бѣлое тѣло,
 Бѣлое тѣло моего лакея.
 Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
 Несите вы тѣло во свѣтлицу!
 Вздуньте, вы вздуньте, буйныя вѣтры,
 Выньте, вы выньте душу изъ князя,
 Душу изъ князя моего мужа,
 Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
 Въ бѣлое тѣло моего лакея,

Моего лакея, моего милаго.
 Кого я любила, того-бъ оживила!—
 Кого не любила, того-бъ погубила.

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

8.

(Исковск. губ.)

Далече-подадалече было въ каменной Москвѣ,
 Во второй улицѣ во Дмитровкѣ
 Жиль, проживаль Волхонскій князь.
 У этого князя жилъ Ванюшка ключничекъ,
 Молодой его княгини вѣрный любовничекъ.
 Онъ не годъ живетъ Ванюша,
 Ванюшка и другой живетъ.
 Ну на третій на годочекъ самъ князь доведася
 Отъ такой ли отъ дѣвчонки.
 Дѣвчоночки отъ сѣнной.
 Отъ сѣнной отъ самой послѣдней.
 Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
 —Слуги ли вы мои, слуги, служаночки вѣрныя,
 Подите-ка, возьмите лопаточки желѣзныя,
 И роите, копайте двѣ ямы глубокия;
 Вы ставьте, поставьте два столба точеные,
 Вы кладите перекладину новую, ясную!
 Вы бейте, вколотите два кольца желѣзныя,
 И вѣшайте, повѣшайте, двѣ петли шелковыя! —
 Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
 —Охъ вы слуги мои, слуги вѣрныя мои,
 Вы ведите, приведите вора Ваню ключничка,
 Молодой моей княгини вѣрнаго любовничка.
 Ведутъ Ваню по большой по улицѣ,
 По славной, по Митровской.
 У Ванюши головка поизломана,
 Кашимировымъ платкомъ головушка связана,
 Коленорова рубашечка кровью вся измочена.

Самъ стоитъ князь Волхонскій, надсмѣхается,
 Надъ его буйною головушкой надругается;
 А Ваня князю возмолется:
 —Позволь, князь Волхонскій, нову пѣсню спѣть:
 «Дальше-подальше въ каменной Москвѣ
 «Жилъ проживалъ Ванюшка клюшничекъ,
 «У этого князя былъ зеленый садъ,
 «Въ этомъ садикѣ горенка новая,
 «Въ этой горенкѣ кровать тесовая,
 «На кровати перинушка пуховая.
 «Въ этомъ во садикѣ Ваней погуляно,
 «На этой на перинѣ много полежано,
 «Въ этой во горенкѣ съ молодой княгиней погуляно,
 «Съ молодой княгиней полежано,
 «Молоду княгиню за груди подержано,
 «По черному по соболю Ваней подрано.»
 Надъ Ванюшиной головушкой князь надругается:
 «Пусть Ванюшина головушка покачается,
 «Пусть молода княгиня въ терему кончается!»

(Сообщ. М. И. Семевскимъ.)

ПѢСНЯ О ВАНѢ КЛЮЧНИКѢ.

(С а м а р а.)

Спѣла ягодка лѣсная,
 Пре-укрыта и спѣла;
 Свѣтъ-княгиня молодая
 Съ княземъ въ теремѣ жила....

* *
* *

Какъ у князя былъ Ванюша,
 Кудреватый молодой—
 Ваня клюшникъ, злой разлучникъ,
 Мужа стараго жены....

* *
* *

Я не даривалъ княгиню.....
 Ни парчей, ни кумачомъ,
 Она льнула ко дѣтинѣ,—
 Какъ сорочка ко плечу....

* *
 *

Цѣловала, миловала,
 Подносила чару мнѣ.....
 Потайкомъ меня клала
 Спать на князеву постель.

* *
 *

По извѣстнымъ наговорамъ
 Князь дознался про вину,
 Князь дознался, догадался,
 Посадилъ подъ ключъ жену.

* *
 *

Ужь вы слуги, вы холопы,
 Слуги вѣрные мои!....
 Вы подите, приведите,—
 Ваню клюшника ко мнѣ

* *
 *

Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу,
 Ванѣ вѣтеръ кудри вьетъ,
 А княгиня за Ванюшу
 Свою душу отдаетъ....

* *
 *

Ты скажи, скажи, Ванюша,
 Сколь съ княгиней долго жилъ?

.....

* *
 *

—О томъ вѣдаетъ подушка,
И пуховая постель,
И тканьево одѣяло,
Полотняна простыня.—

* *
*

—Ужь вы слуги, вы холопы,
Слуги вѣрные мои!
Ужь вы выройте двѣ ямы
И поставьте два столба.....

* *
*

Вы повѣсьте-ка Ванюшу
Во шелковую пѣтлю.
Вотъ висить, висить Ванюша
Во шелковой во пѣтлѣ.

* *
*

И Ванюшу все качаетъ,
Какъ былинку на межѣ,
А княгиня во свѣтлицѣ
Умираетъ на ножѣ.

(Новѣйшая, сочинен. Зап. Г. И. Акатинимъ.)

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

1.

**Царь собирается въ походъ на Казань. Прощанье войска
съ родными.**

(Симбирск. губ. Кореун. уѣзда, с. Усть-Урень.)

«Ты куда, куда собираешься
«Православный царь изъ Москвы въ Казань?»
Не одинъ то православный царь собирается,—
Беретъ добраго молодца и меня съ собой,
А мнѣ, доброму молодцу, ѣхать не хотѣлося,

Хотѣлося въ Москвѣ пожить, при дворцѣ служить,
 При дворцѣ служить государевомъ.
 Ничего то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось, *
 Да только жалко мнѣ зеленаго саду,
 Да жалко мнѣ (добру молодцу) въ саду три дерева:
 Первое деревцо—кипарисово,
 Другое деревцо—зелена груша,
 Третье деревцо—сладко яблонько.
 Кипарисово деревцо—родной батюшка,
 А зелена груша—родная матушка,
 Сладко яблонько—молода жена.
 Гдѣ батюшка плачетъ—тутъ рѣка течеть,
 Гдѣ матушка плачетъ—ключи быстры текуть,
 Гдѣ жена плачетъ—туманъ съ дождемъ.

(Записано мною въ 1856 году отъ ратника Н. Картавенкова

2.

Казань-городъ.

У колодеца было да у студенаго,
 У того ключа да подземельнаго,
 Красна дѣвица да воду черпала,
 Добрый молодецъ коня поилъ;
 Онъ коня поилъ да коня добраго,
 Онъ красну дѣвчину да обманывалъ,
 Обманывалъ, подговаривалъ:
 «Ты иди, дѣвица, за меня замужъ,
 «За меня замужъ во Казань городъ.
 «Нашъ Казань городъ на горѣ стоитъ,
 «Казань рѣченька да медомъ течеть,
 «Мелки ручейки да зеленымъ виномъ,
 «По горамъ да повысокимъ
 «Лежатъ камешки да самоцвѣтныи,
 «По лугамъ да по зеленыимъ

* Не жалко.

«Трава растетъ да вѣдь шелковая,
 «На травѣ цвѣтутъ цвѣты лазуревы,
 «По лѣсамъ да лѣсамъ темнымъ
 «Дороги звѣри—купы заморскіе,
 «Еще съ по морю-морю синему
 «Изно-синему морюшку турецкому —
 — Тутъ онъ хвастаетъ своимъ житьемъ-бытьемъ: —
 «Ужь у меня по морю-то ходить 30 кораблей.
 «Какъ единъ-то корабль изукрашенъ былъ,
 «Ещё корма да носъ излажены по турецкому,
 «Ещё парусы на корабляхъ камчатые,
 «Снурочки на корабляхъ шелковые,
 «Мѣсто глазъ-то было еще вставлено
 «По дорогомю по камню по яхонту,
 «Мѣсто бровь-то было да проведено
 «По дорогой куняцѣ по заморской».
 — Не подговаривай же, добрый молодець, не обманывай;
 — Я сама знаю, сама вѣдаю
 — Про славной вашъ про Казань-городъ:
 — Въ Казань-городѣ я родилася,
 — Въ Казань-рѣченькѣ я крестилася,
 — Въ мелкихъ ручейкахъ бѣло мылася.
 — Казань-рѣченька водой течеть,
 — Мелки ручейки да горючьми слезьми;
 — По горамъ вашимъ высокімъ
 — Не камышки да самоцвѣтныи;
 — Лежатъ головы да все буйныи;
 — На лугахъ трава не шелковая,
 — Растеть травонька да все болотная;
 — По лѣсамъ да вашимъ темнымъ
 — Звѣри да все съѣдучи,
 — Зміи да все клевучи.
 — Изъ-по морюшку по турецкому
 — Ходятъ корабли все да шведскіи.
 — По пустымъ ты, добрый молодець, расхвастался,
 — Я замужь пойти да тутъ не вздумала.

Зап. Членомъ-сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. общ. А. Я.
 Кокосовымъ, сообщ. А. Н. Майковымъ.)

Походы Гровнаго и жалоба войска.

а)

(Тверск. губ. Весьегонск. уѣзда, сел. Смердыня).

Ты долина ль, моя долинушка,
 Раздолье мое широкое!
 На тебѣ ли моя долинушка
 Ничего не уродилося:
 Что ни травушки, ни муравушки,
 Ни лазорева цвѣточка.
 Уродился ли на этой долинушкѣ
 Одинъ только садичекъ зеленый.
 Мимо этого-ли садика
 Пролежала путь-дороженька.
 Что по этой ли по дороженькѣ
 Никто не ходилъ, не прохаживалъ,
 Только шли-прошли по этой дорожкѣ
 Одни горькіе солдатушки,
 Они шедши преустали,
 На нихъ тонкія рубашечки
 Крѣпко къ тѣлу припотѣли.
 Ничего то ли въ этомъ садикѣ,
 Ничего тръ въ немъ не слышно, —
 Только слышно въ этомъ садикѣ,
 Какъ кукушка скуковала.
 Не кукуй сѣрая кукушечка,
 Не кукуй такъ жалобнешенько!
 Безъ тебя ли намъ, кукушечка,
 Безъ тебя намъ жить тошнехонько:
 Распрогнѣвался на насъ благовѣрный царь,
 Благовѣрный царь, свѣтъ Иванъ Васильевичъ,
 Какъ загналъ онъ насъ во чужіе краи, *

* Разнословье:

(Тульск. губ.)

Загналъ насъ православный царь
 Безъ вѣсти далече, 2.
 Безъ вѣсти далече

Въ чужіе краи дальные,
 Что къ синю морю Хвалынскому,
 Ужь какъ биться ли съ басурманами,
 Съ басурманами, злыми татарами.

(Зап. семинарств. Тверской семинаріи).

б)

(Сарат. губ. Сердобск. у. с. Пяна.)

Ты долина моя, долинушка,
 Охъ да широкое мое раздолье!
 Ничего, ничего-то ты, моя долинушка,
 Ничего ты намъ не уродила:
 Да ни травыньки, ни муравыньки,
 Ни лазорева-то цвѣточка;
 Уродила же ты моя долинушка,
 Уродила же ты намъ кустъ калинки,
 Какъ на томъ, на томъ кусточкѣ
 Сидѣла горькая кукушка.
 Вотъ кукушка, она горькая, горемычная,
 Жалобнехонько она кукуеть.
 Не кукуй-ка, не кукуй-ка, горькая кукушка,
 Въ моемъ зеленомъ садочкѣ!
 Охъ да не давай-ка, не давай-ка,
 Намъ солдатункамъ, не давай тоску на душу!
 Ужь и такъ-то намъ, солдатункамъ,

На крайнюю границу.
 Познобилъ насъ православный царь
 Холодною зимою,
 Поморилъ насъ православный царь
 Голодною смертью.
 Нѣтъ ни вѣсти, ни грамогки
 Съ родимой сторонки,
 Нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки,—
 Осталась одна молода жена,
 Осталась одна молода жена,
 И та замужъ вышла за бурлака.

(Зап. мною въ 1864 г.)

И такъ-то намъ въ службѣ тошно:
 Загналъ-то насъ, загналъ православный царь,
 Загналъ-то насъ въ ины земли,
 Ахъ да во инья-то во землюшки,
 На самую-то на границу,
 Охъ, да поморилъ то насъ,
 Поморилъ нашъ православный царь,
 Поморилъ-то насъ голодной смертью.
 Да не чуть-то ничего
 Съ любимой сторонюшки
 Ничего только не слышно;
 Только слышно про мою хозяйюшку,
 Слышно, будто она замужъ вышла
 За такого-то, бають, за бурлаченку,
 За бурлака молодого.
 Сказали про того бурлаченка,
 Что бурлакъ богатъ больно,
 Объявилъ-то, объявилъ этотъ бурлаченка
 Всего только три полушки:
 Какъ и первую-то полушечку
 Попу за вѣнчанье,
 А другую-то полушечку
 Дьячкамъ за чтанье,
 Какъ и третью-то полушечка
 Женѣ на разживу:
 Живи-ка, моя хозяйюшка.
 — Живи-ка ты, разживайся.
 Ни объ чемъ ты не печалься.
 Поживемъ подольше
 Наживемъ побольше.

(Зап. А. А. Мясоѣдовою.)

Неожиданная помочъ Царю подѣ Казанью.

(Симбирск. губ. Кореви. у. с. Усть-Урень.)

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полечкѣ.
 А еще того подальче на спнемъ моречкѣ,
 Какъ на славнымъ на Черностовскимъ было островѣ:
 Какъ не бѣлая лебедочки солеталися.

Какъ не ясные соколочки сопорхалися,
 Соходилися музурушки персидскіе
 И низовые бурлаченьки безпашпортные. *
 Они думали-гадали думу крѣпкую заединую,
 Выбирали себѣ атаманушку походнаго.
 — «Ужь кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,
 — Ужь кому-то, разудалые, есауломъ слыть?» —
 — «Атаманомъ быть у насъ—Степану Тимошеевичу,
 — А есауломъ слыть—Микитѣ Романовичу.»
 Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
 Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ.
 Атаманушка рѣчь возговорить—какъ въ трубу струбить,
 Есауль рѣчь промолвить—какъ въ свирѣль заиграетъ:
 — «Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти во славну Астрахань?»**
 «Мы пройдемъ, братцы, въ славну Астрахань во глухую полночь,
 — Ужь и купимъ, братцы, атаманушкѣ забавушку—коня добраго,
 — А есауду купимъ забавушку—ружье огненное.

(Зап. мною отъ крестьянина Цылова въ 1856 г.).

Разнословья:

Сходилися музурушки персидскіе,
 Бурлаченьки низовые безпашпортные.
 И собирались они во единый кругъ,
 Они думали-гадали думу крѣпкую, заединую:
 Ужь кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,
 И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?
 --Атаманомъ быть Матвѣюшкѣ Тимошеевичу,
 — Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу.»

** Ужь какъ-то намъ, ребяташки, протить въ славныи Астрахань?
 Ужь какъ-то намъ будетъ, ребяташки, по базару гулять?
 Ужь чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?
 — Ужь мы да купимъ нашему атаманушкѣ коня добраго,
 — Еще купимъ мы ему саблю вострую.
 — Есауду мы закупимъ ружье огненно.
 — И пойдёмъ гулять по возморьцу.»

(Зап. мною отъ рабника Н. Картавенкова.)

По слѣдующему ниже разнословію эта пѣсня дальше довольно подробно распространяется о взятіи Грознымъ Казани помощью С. Разина, о пиряхъ Царя въ Москвѣ по возвращеніи съ похода, о казни и спасеніи сына его и пр., но, къ величайшему моему сожалѣнію, я не могъ записать это замѣчательное продолженіе вполнѣ, какъ слѣдуетъ, пѣсеннымъ ладомъ: старикъ мой говорилъ чрезвычайно быстро и складно, и когда я его прерывалъ, онъ тотчасъ терялъ тонъ и мѣру, сбивался совершенно съ толку и совсѣмъ иначе продолжалъ. При вторичномъ же пересказѣ онъ еще пуще сбивался, съ трудомъ даже вспоминалъ за нѣсколько минутъ впередъ тѣмъ имъ сказанное, словомъ, у него во многихъ мѣстахъ не выходило ничего путнаго, и я долженъ былъ удовольствоваться нѣкоторыми только отломками изъ прежняго прѣраснаго цѣлаго. Вотъ они:

Послѣ стиха:

«Атаманушка самъ по округу похаживаетъ»

у моего старика слѣдуетъ:

На немъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
Бобровая его шапочка подъ пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу.

Послѣ стиха:

«А есаулу купимъ забавушку-ружье огненное»

у него слѣдуетъ:

И возговорить атаманъ, Степанъ Тимофеевичъ:
«Подъ Казань-городокъ стоитъ бѣлый царь,
«Ни много, ни мало стоитъ, семь годовъ,
«Не взявши Казань-городокъ, хочеть прочь итти,—
«Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ:
«Волжскій-городокъ съ вечера возьмемъ,
«Царицынъ-городокъ во глуху полночь,
«Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
«Казань-то городокъ на бѣлой зарѣ,
«Во самую во Микольскую во заутреню
.....
.....
«Какъ намъ, братцы, пристать, къ пристани?»

«Еже ли бокомъ пристать, стануть палить изъ пушекъ,
 «Еже ли кормой пристать, ловить стануть,
 «Еже ли пристать носомъ, примуть подъ руки:
 — «На подмогу ѣдутъ къ намъ!»

Вотъ царь Иванъ Васильевичъ шлетъ посланника:

«Еже ли бокомъ пристали,—палить изъ пушекъ,
 «Еже ли кормой пристали,—ловить ихъ,
 «Еже ли жъ носомъ пристали,—принять ихъ подъ руки».

И призываетъ онъ атамана: скажись ты мнѣ: кто?

— Слыхалъ ты, Степанъ Разинъ Тимоѣевъ съ молодцами. —

— «Много ли у тебя посланниковъ?»

— Триста человѣкъ. —

— «Во всѣхъ винахъ я тебя прощаю,
 Только скажи, какъ Казань городъ взять?»

.....
 Подвели подкопъ подъ Казанку, подъ рѣку,
 Подъ Казанку подъ рѣку, подъ порхову казну,
 Затеплили свѣчи на бочкахъ и вышли сами подлѣ стѣны,
 Въ рукахъ тоже свѣчи держуть.

Осердился царь Иванъ Васильевичъ:

Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ.

И хочетъ его царь казнить.

— «Царь Иванъ Васильевичъ!

На верху свѣчка теплится—ее вѣтромъ качаетъ».

Только переговорили, и зачало бочку рвать,

И полетѣли стѣны: гдѣ нога, гдѣ рука, гдѣ татарска голова...

.....
 Прїѣзжаетъ царь Иванъ Васильевичъ въ Москву,
 Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему:
 Гдѣ хвалятся конями, гдѣ хвалятся женами хорошими,
 Кто хвалится крестьянами богатыми....

* Зап. мною въ 1856 г. отъ 80-лѣтняго слѣпаго старика, имя котораго. къ сожалѣнью, не помню).

Взятіе Казани.

Самарск. губ.

а)

Охъ вы старые старики, пожилые мужики!
 И кто бь намъ сказала про Казань-городъ,
 Про того царя про Ивана Васильевича?
 Еще Грозный царь Иванъ Васильевичъ Казань-городъ бралъ,
 Подъ Казаночку подъ рѣку подкопъ подводилъ, *
 Онъ закатывалъ бочечки съ порохомъ,
 Затеплялъ свѣчи воску ярова,
 Какъ молоденька татарочка по стѣночкѣ похаживала,
 По бѣлымъ бедрамъ рукой похлопывала
 И надъ Бѣлымъ царемъ надсмѣхалася:
 «Гдѣ тебѣ Бѣлый царь Казань городъ взять!»
 На это царь Иванъ Васильевичъ осердился,
 Онъ приказываетъ своихъ пушкарей казнить, вѣшати,
 Стрижку, ярыжку и сына Федорыча.
 Выбирался изъ нихъ молодой пушкарь:
 «Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ,
 «Не приказывай казнить, вѣшати;
 «На вѣтру свѣча вѣдь скоро горитъ, теплится,
 «А подземельна свѣча тихо горитъ, не скоро теплится». —
 Не успѣлъ добрый молодецъ рѣчь окончити —
 Взорвало стѣны каменные.

* Разночтеніе:

Подъ Казанку подкопъ подкопалъ,
 Подъ другую сторону подъ Бузанъ рѣку
 Они бочки съ порохомъ закатывали,
 Зажигали свѣчи воску ярова.
 Какъ татарочка по крѣпости похаживала,
 Грозному царю рѣчь сердитую говаривала:
 — Не видать тебѣ, грозный царь, золотыхъ маковей... —
 Не успѣла татарочка рѣчь окончити. —
 Догорѣли свѣчи воску ярова,
 Разорвали бочки съ порохомъ,
 Начало рвать и метать во все стороны,
 Бросать гдѣ нога, гдѣ рука,
 Гдѣ татарская башка.

Стало по стѣнушкамъ кидать-метать:
Гдѣ голова татарска, гдѣ туловище.

(Зап. П. П. Акулинымъ въ годъ 1875 г. на Сергеевскихъ
минеральныхъ водахъ).

б).

(Костромск. губерніи.)

Вы послушайте, ребята, что мы станемъ говорить.
А мы старья старушки станемъ сказывать
Про грозна царя Ивана про Васильевича.
Какъ царь-государь подь Казань подступалъ,
Онъ подь рѣчку подь Казанку подконь подкonalъ,
Что подкопъ подкonalъ, сорокъ бочекъ законалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ, чернымъ порохомъ,
А на бочки становили воску ярова свѣчи.
Злы Татарове по городу похаживаютъ,
Похваляются да выхваляются:
— Что не быть (дескать) Казанюшкѣ подь Бѣлымъ подь царемъ. —
А нашъ царь-государь распаляется,
Распаляется, прогнѣвается,
А на завтра пушкарей онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкариковъ, зажигальниковъ.
Какъ одинъ пушкарь посмѣлѣй всѣхъ былъ:
— «А за первое, царь, слово мнѣ нѣтъ казни:
А въ тиши-то свѣчи онъ тише горять,
На вѣтру-то свѣчи онъ шибче горять.»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, —
Какъ и взорвало стѣну бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки узорчатыя.
Вдругъ нашъ царь-государь очень весель сталъ,
А на утро пушкарей велитъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ по пятидесять рублей,
Еще той ли славной улицей Стрѣтенскою.

(Зап. г-жею А. Кобыковой, которая слышала ее изъ—
устъ народа въ дѣствѣ).

Женитьба Грознаго царя Ивана Васильевича

а)

(Симбирск. губ. Корсун. уѣзда, выселокъ Александровка.)

Что сидите, богатырики?
И чѣмъ же вы похваливаетесь,
Ваша силушка буде отъ Бога,
А имѣніе отъ меня царя.

Задумалъ нашъ Грозный царь жениться:
Онъ бралъ не у насъ, а въ Москвѣ,
И не у князя и не у барина,
Онъ бралъ у Черкашенина,
А имьямъ назвать ее—Марья Демругьева.
Онъ бралъ за ней много приданого:
Триста татариновъ, полтораста бояриновъ,
Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
И дѣлалъ онъ про нихъ почестный ширь:
Сажалъ онъ ихъ за столы за дубовые,
За скатерти за клѣтчатыя,
За чашечки, за ложечки корельчатыя.
Кострюкъ хлѣба-соли не кушаетъ,
А Местрюкъ бѣла лебедя не рушаетъ,
А на нашего царя лихо думаетъ:
«Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ,
«И стану я со всѣхъ брать пошлину:
«Съ дымовъ—подыmovное,
«Съ красныхъ дѣвушекъ—почередное,
«А со молодухекъ—повѣнешное.»

И вышелъ Микита Романовичъ, царскій дядюшка,
На своей на новъ крашенъ крылець,
Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Еще есть ли на царскомъ дворѣ богатырики?»
(На тотъ часъ ихъ не случилось,
Они же всѣ поразѣхались)
«Чтобы шли они, никого бы не спрашивались,
«И никому бы не докладывались.»
Пришли два брата роѣимые
Изъ села Ивановскаго,

По имя ихъ Иванъ Иванычи,
 По прозванью Кашинины.
 По царскому двору похаживаютъ,
 Полки заворачиваютъ,¹
 Рукавчики позасучиваютъ,
 Усы за уши закладываютъ.
 Вы послушайте, что возговоритъ царскій дядюшка,
 Царскій дядюшка, Микита Романовичъ:
 «Вогъ вамъ Местрюкъ хлѣбъ-соль на столѣ.
 Хлѣбъ-соль на столѣ, а борцы на дворѣ!
 За что вы, свѣтъ, ухватитесь?» —
 Местрюкъ бросился — три стола уронилъ,
 Кострюкъ бросился—всю силу помялъ:
 Триста татариновъ, полгораста бояриновъ,
 Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
 Ну, выходитъ Местрюкъ на царскій дворъ,
 Бралъ Иванъ Иванычъ поперекъ его,
 Поднималъ повыше себя,
 А онуцалъ пониже себя.
 Первой пошибкой пошибъ—
 Одежку долой съ него сшибъ,
 А другой пошибкой пошибъ —
 Рубашку долой съ него сшибъ:
 Оставался Местрюкъ, въ чемъ мать его родила.
 Онъ соромъ свой зажалъ
 И подъ крылецъ побѣжалъ.
 Да увидала его сестрица родимая, Марья Демругьева:
 «Ты дуракъ (говорить), дуракъ, мужичий сынъ!
 Поборолъ бы его какъ полекше нибудь.»
 — «Послушайте, Марья Демругьева!
 Теперича я вывелъ измѣнушку изъ всей земли,
 А Казанское царство къ себѣ приклонилъ.»
 А былъ у ихъ единъ чадо милый, Федоръ Пвановичъ...
 «Охъ ты еси Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 «Хоша ты вывелъ измѣну изъ всей земли,
 «А не вывелъ измѣнушку изъ свова дому:
 «Твоя измѣнушка передъ тобою стоять,
 «Съ тобою рѣчь говорить,
 «Единое платье носите одноцвѣтное,
 «И единое кушанье кушаете сахарное.»

На то же Грозный царь прогнѣвался,
 И бралъ своего сына за правую за руку,
 И вывелъ онъ его на новъ красенъ крылецъ;
 Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Да есть ли здѣсь грозные палачики?
 «Взяли бы моего сына,
 «И повели бъ его на поле Кулическое,
 «Привязали бъ его ко плахъ дубовой,
 «И сняли бы съ него буйную голову!»
 Всѣ палачики испужалися,
 Со царскаго двора разбѣжались,
 Оставался одинъ Малютка, Скурлатовъ сынъ,
 И бралъ его сынъ за руку,
 Повелъ его на поле Кулическое,
 И увидалъ его царскій дялюшка, Микита Романовичъ:
 «Охъ ты, Малютка! Не за тѣ ты столы сажаешься,
 «Не за тѣ кушанья принимаешься,
 «Сходи же, Малютъ, на царный дворъ,
 «И возьми-ка же пса немилаго,
 «И сними съ него голову,
 «И принеси имъ въ крови саблю вострую!»
 — «Охъ вы есть мои сенаторы, 2.
 «Да князья и бояре!
 «Прѣзжайте вы въ соборъ, церковь Божію,
 «И служите вы молебны опчіе печальные
 «О моемъ сынѣ, Федорѣ Ивановичѣ,
 «И надѣвайте черную одежду печальную!»
 Всѣ прѣехали министры, князья и бояре
 И въ соборъ, церковь Божію,
 И въ одежъ всѣ—въ черную печальную,
 И служили всѣ молебны опчіе печальные,
 А царскій дялюшка, Микита Романовичъ,
 Надѣвалъ одежду форменну
 И приказалъ служить молебны за здравіе.
 Обернулся нашъ Грозный царь:
 «Почему же ты, свѣтъ, радоваешься?
 «Зачѣмъ ты заказывалъ молебны за здравіе?»
 — «Потему-то я заказывалъ молебны за здравіе,
 «Что представляю вамъ сына въ живности.»
 И бралъ онъ за ефесъ саблю вострую,

Протыкалъ онъ ему ногу правую.
 Возговорилъ онъ громкіимъ голосомъ:
 — Подайте мнѣ перваго дохтура,
 Залѣчилъ бы ему ногу въ три часа.—...

(Зап. мною).

б).

(Калужск. губ.).

Ахъ люди, люди старые,
 Старики вы стародавніе,
 Вы послушайте, что я буду сказывати,
 Разговоры разговаривати,
 Что про нашего про свѣтъ-то царя,
 Про царя-то Ивана Васильевича.
 Какъ нашъ царь холостъ былъ,
 Васильевичъ не женатый былъ;
 Онъ бралъ изъ чужой земли, —
 Молоду младу Черкасьевну,
 Ахъ и свѣтъ Марью Тимрюзьевну.
 Онъ и много приданого взялъ—
 Городовъ съ пригородками,
 Что и селки съ приселками;
 Онъ много гостей зазывалъ.
 Какъ всѣ-то гости съѣхались,
 Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
 Ахъ и нѣтъ гостя любимаго его,
 Да жены брата роднаго.
 Пріѣхалъ онъ апослѣ всѣхъ,
 А садится повыше всѣхъ,
 Что за тѣ столы дубовые,
 За тѣ скатерти браныя
 А за яства сахарныя, —
 Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
 Бѣла лебеда не рушаетъ,
 Онъ и лихо-то думаетъ,
 Что на нашего на свѣтъ-царя,

На царя Иванъ Васильевича.
 Возговорить Кострюкъ-Мострюкъ:
 «Сколько я земель проходилъ,
 «Сколько я городовъ проѣзжалъ, —
 «Не сыскалъ по себѣ борца, бойца,
 «Не сыскалъ по себѣ удала молодца.»
 Нашъ царь разсердился,
 Свѣтъ Васильевичъ разгнѣвался,
 Онъ и вышелъ на красно крыльцо,
 Онъ и гаркнулъ по всей каменной Москвѣ:
 «Вы сходитесь, борцы, бойцы,
 «Вы сходитесь удалые молодцы!»
 Какъ сошлись, борцы, бойцы,
 Какъ сошлись удалые молодцы,
 Ахъ и свѣтъ дѣти Калашниковы.
 На ногахъ они низешеньки,
 Во плечахъ широкошеньки,
 Они бороды расчесываютъ,
 Они усики разглаживаютъ,
 На ножку прихрамливаютъ,
 На носокъ приговариваютъ.
 Возговорить царь Иванъ Васильевичъ:
 «Выходить-ко Кострюкъ-Мострюкъ!
 «Есть у меня борцы, бойцы,
 «Есть у меня удалые молодцы.»
 Какъ сталъ вставать Кострюкъ-Мострюкъ,
 Полтора ста скамей свалилъ, —
 А триста господъ задавилъ.
 Онъ схватился и съ старшимъ братомъ.
 Они водились день до вечера.
 Возговорить меньшій братъ:
 «Ахъ! ты братъ, ты братъ мой родной!
 «Не теряй своего кунечества,
 «А еще къ тому молодечества!
 «Ты подай-ка мнѣ, борцу, бойцу,
 «Ты подай-ка мнѣ, удалому молодцу!» —
 Онъ и сталъ его обхватывати,
 Да повыше себя взмахивати,
 Онъ ударилъ объ сыру мать-землю. —
 Сыра мать-земля дрогнула,

На немъ тѣло бѣло лопнуло,
 А сапожки сами съ него свалилися.
 Возговорить молода, млада Черкасѣвна,
 Ахъ свѣтъ Марья Тимрюзѣвна:
 «Ты мужикъ, ты мужичий сынъ,
 «Подкраивныя твои сѣмены!
 «Ты не билъ бы объ сыру мать-землю,
 «Ты снялъ бы зеленъ кафтанъ
 «И сафьянныя сапожонки,
 «Ты нустилъ бы его тѣленомъ-нагишомъ.»
 Возговорить царь-государь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ахъ и чѣмъ дѣти васъ жаловати,
 «Городами ли, пригородками,
 «Или золотой казной?»
 Возговорятъ свѣтъ-дѣти Калашниковы:
 «Не жалуи насъ, царь-государь,
 «Ни городами, ни пригородками,
 «Ни золотой казной,
 «Вели намъ торговать безданно, безошлинно.»

(Сообщ. А. П. Глинкой.)

в).

(Пермск. губ. Камышловск. уѣзда.)

Вздумалъ нашъ царь-государь Иванъ Васильевичъ,
 Захотѣлъ поженитися.
 Засваталъ во иной землѣ у Стрюка Семрюковича,
 Марью Стрюковну, молодую Черкашенку.
 Прѣѣхалъ прѣѣзжій гость Стрюкъ Семрюковичъ.
 Онъ пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ,
 Бѣлую лебедь не рушаетъ...
 Ходитъ пристольникъ царевъ Микита Романовичъ:
 «А что у насъ за прѣѣзжій гость?
 «Пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ;
 «Не на насъ ли онъ лихо думаетъ,
 «Не на нашего ли грознаго царя Ивана Васильевича?»
 Отвѣчаетъ Стрюкъ Семрюковичъ:
 «Хоть я пива-вина не пью, хлѣба не кушаю,
 «На васъ лиха не думаю.

«Думаю я: есть ли кому у васъ въ Москвѣ бѣлокаменной
 «Со мной поборотися, побарахтаться?
 «Промежу собой силу извѣдати?»
 Выходить пристольникъ царевъ Микита Романовичъ
 На прекрасное крылечко борца спрашивать...
 Борцы испужалися, за Москву разбѣжались,
 Одинъ Васинька, одинъ маленькой,—
 — Дѣться-то ему некуда, убѣжать не надѣется, —
 Ко крыльцу онъ подвигается, ко полатѣ бѣлокаменной.
 Увидаль его Семрюковичъ, молодой Черкешенокъ,
 Не могъ за столомъ усидѣть, черезъ столъ колесомъ покатишь,
 Три скамьи подломилъ, пятьдесятъ человѣкъ уронилъ,
 Прибѣжалъ на крутое крыльцо,
 Сталъ на круги похаживать, круто полы замахивать.
 — «Слушай царь-государь, грозенъ Иванъ Васильевичъ!
 «Толи ты дружишь, толи смѣешься надо мной?
 «Съ кѣмъ я это буду боротися?
 «Не съ кѣмъ плечамъ расходитися,
 «Не съ кѣмъ носкомъ колотитися.»
 Отвѣчаетъ ему Васинька, отвѣчаетъ маленький:
 «Я ударюся о великъ закладъ: кто кого поборетъ—
 «Раздѣвать того до-нага, разувать того до-боса,
 «Пинать того подъ г...о подъ круто крыльцо»....
 Зачали круто-на-круто похаживати,
 Круто полы замахивати.
 Хватилъ его Васинька, хватилъ его маленький, —
 Съ бедра да и о землю....
 Поснималъ платя до-нага, разувалъ ноги до-боса,
 Запиналъ подъ круто крыльцо...

(Зап. Членомъ сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

г).

(Новгор. губ. Кирил. уѣзда.)

Паштрукъ, Паштрукъ, нашъ турецкій,
 Пашъ турецкій да земли Греція;
 Приходитъ онъ въ каменну Москву,
 Въ каменну Москву къ Государю самому:

«Ужь вы гой еси, цари Бѣлые,
 «Шванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
 «Московскіе управители всей Москвы!
 «Дайте мнѣ супротивничка, борца поборотися,
 «Если вы не найдете, то васъ въ пастухи найму.»

Посылаюгъ цари Бѣлые трехъ посланниковъ,
 По каменной Москвѣ искать двухъ братцовъ, двухъ роднень-
 кихъ:

Одного Степаньку маленькова, другова Ваську коротенькова.

И искали ихъ ровно трой суточки:

(Нашли ихъ въ кабакъ пьяными)

— «Здорова, два братца, два родненькіе!

— Степанко маленькой, Васютка коротенькой!

— Васъ царь скоро требуетъ.»

— За чѣмъ онъ скоро требуетъ?

— У насъ съ похмѣлья головы болятъ,

— Дайте намъ зелена вина ровно два ведра!—

Посланники деньги выдали.

Приходятъ два братца родненькіе на бѣлый дворъ:

«Вы здравствуйте Цари Бѣлые,

«Иганъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,

«Московскіе управители всей Москвы!

«Зачѣмъ же мы скоро вамъ надобны?»

— Приходить къ намъ Паштрукъ,

— Пашъ Турецкій, земли Греція;

— Проситъ сопротивника, борца поборотися,

— Если я не найду, то хочеть въ пастухи нанять.—

Богатырское сердце Паши разгорѣлося;

Высочилъ онъ изъ-за дубовыхъ столовъ,

Изъ-за явствъ сахарныхъ, изъ питей медовыхъ.

Поломилъ триста поповъ, сто пятьдесятъ дьяконовъ,

И пятьсотъ Донскихъ казаковъ.

Какъ по половкамъ идетъ, половки подрагиваютъ;

По ступенькамъ идетъ, ступеньки вверхъ играютъ;

И выходитъ онъ на бѣлый дворъ:

«Здорова, два братца, два родненькіе,

Одинъ Степанька маленькой, другой Васютка коротенькой!»

Васька на ножку припадываетъ, а самъ приколыхиваетъ.

Возговорилъ Васька таково слово:

— Ужь вы гой еси, Цари Бѣлые,

— Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,

— Московскіе управители всей Москвы!

— Сметъ ли намъ съ такимъ певѣжон поборотися?

Какъ бы вамъ Богъ помочь...

Брагъ же Нашу Васька за толстыя руки, за мягкіе бока;

Грянулъ его о сырую землю,

Сыра земля раздалася на казенную сажень,

Сорвалъ съ него ожерельице въ пятьсотъ рублей.

Приходить къ нему молода жена:

— Нашъ Турецкій, да земли Греція:

— Этакъ у насъ и не водится,

— Этакъ у насъ и не борются.

— Этакъ у насъ борются,

— Этакъ у насъ водится...

Какъ возговорилъ Иванъ Васильевичъ:

Чѣмъ же я васъ буду дарить, жаловать?

Ничего намъ не надобно; только дай пошиты, погулять.

Пожить. погулять трои сѹточки.

(Зап. У. Сермягинъ въ 1860 г. Сообщ. А. П. Мапковымъ).

Смерть Грознаго царя Ивана Васильевича

а).

(Симбирск. губ. Буинск. уѣзда, дер. Козлова)

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколъ,

Только слышно то было по всей каменной Москвѣ —

(И по всей арміи, и по всей конной гвардіи)

Еще померъ-то у насъ Православный царь

Православный царь Иванъ Васильевичъ.

«Сдѣлаемъ ему гробокъ кипарисовой,

«Саванокъ-то сошьемъ миткалиновый,

«Мы схоронимъ царя за Москвой рѣкой!»

3).

Той же губ. Корсунск. уѣзда. с. Усть-Урень .

Ужь ты батюшка, свѣтель мѣсяць!
 Ужь ты свѣтишь, мѣсяць, во всю темную ночь:
 Освѣти-ка, мѣсяць, каменну Москву!
 Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русь.
 У собора было у-во Спленскаго.
 Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ.
 На часахъ-то стоитъ, Богу молится,
 Богу молится, самъ слезно плачетъ:
 «Понесите съ горъ, буйны вѣтры.
 «Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески!
 «Разступись, матушка-сыра земля.
 «Вскройся, гробова доска,
 «Распахнись-ка, бѣль тонкой саванъ,
 «Ты возстань, возстань, Православный царь,
 «Православный царь, Иванъ Васильевичъ!
 «Ужь вся-то Москва на потрясъ пошла,
 «Ужь всѣ-то полки во походъ пошли, —
 «Ужь первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,
 А другой-то полкъ пошелъ Пзмайлѣвскій.
 «Третій пошелъ Петропавловскій:
 «Ужь всѣ-то купцы перепугалися,
 «На синее моречко разбѣжались.
 «На легкія лодочки побросалися»

(Обѣ запис. мною: первая отъ крестьянина Максима Дебжакова
 послѣдняя отъ ратника Бартавенкова).

Про Димитрія Царевича.

1.

Саратовск. губерн. городъ Хвалыньскъ).

Въ восьмомъ году, въ восьмой тысячѣ,
 Бъ нынѣшнемъ народѣ правда вывелась,
 Вселилось въ народѣ лукавство великое,
 Упало лукавство не на воду и не на землю,
 Упало лукавство царю Дмигрію на бѣлу грудь.

Убили же царя Дмитрія во гуляньѣ на игрищахъ;
 Убилъ же его Гришка растриженный,
 Убимши его самъ на царство сѣлъ,
 И не сколько царилъ — только семь годовъ.

(Запис. мною 19 Юля 1872 года, отъ крестьянина Чернощекова).

2.

(Симбирской губерн. Корсунскаго уѣзда, въ селѣ Усть-Уренѣ).

Убили, убили царевича въ Угличѣ,
 А мощи его явились въ каменной Москвѣ,
 Во славномъ во соборѣ Архангельскомъ.
 Ахъ Боже ты нашъ, Боже!
 За что на насъ Господь прогнѣвался?
 Сослалъ намъ Господь намѣстника,
 Что того ли вора Гришку Отрепьева.
 Гришка Отрепьевъ незаправскій царь —
 Признаваль, узнаваль его пятисотный стрѣлечь...
 Всѣ добрые люди идутъ къ заутрени,
 А Гришка съ Маришкой въ баню идутъ.

(Запис. мною отъ крестьянина Цыглова).

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Вятской губернии).

Не во далече, далече во чистомъ полѣ,
 А еще того подалѣ на спнемъ морѣ—
 Не два ясна соколочка солеталися.
 Они старые колбища безначпортные,
 Они думушку гадали, думу крѣпкую,
 Думу крѣпкую гадали да единую:
 — А кому же изъ насъ, братцы, атаманомъ быть? —
 Атаманомъ быть Микитиушкѣ Бугрѣву,

Есауломъ быть Ермошкѣ Тимофееву. —
 Атаманъ-отъ говорить, ровно въ трубу трубить,
 Есаулъ-отъ говорить, ровно во свирѣль игралъ.
 — А не полно ль намъ, ребятушки, разбой держать?
 Разбивали мы, ребята, бueвые корабли,
 Что Пермьятски, Астрахански, все купеческіе. —
 Пермьятскую губернію возьмемъ съ вечера,
 Астраханскую губернію во тужу полночь,
 Мелки славны городишки на утрѣ возьмемъ,
 Что во мелкихъ городишкахъ не задержимся.

(Сообщ. Н. А. Александровымъ).

Про Стеньку Разина.

(Пермской губ. Камышловск. уѣзда.)

1.

Какъ по ранней, ранней утренней зарѣ,
 Внизъ по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ,
 Выплываетъ быстра лодочка легка,
 Быстра лодочка легка о шести-то о гребцахъ,
 Что въ этой легкой лодочкѣ сидить,
 Въ ней сидить-то принаряженный купецъ,
 Онъ плыветъ-то въ славный городъ Астрахань,
 Въ славный городъ Астрахань, по купеческую дочь.
 Охъ, красавица купеческая дочь!
 Выходи-ко на высокое крыльцо,
 Ты встрѣчай-ко астраханскаго купца,
 Стеньку Разина удала молодца!
 Ты садь-ко за набранные столы,
 Меду-патоки съ поклономъ подноси,
 Ты цѣлуй-ко Стеньку въ молодецкія уста,
 Ужь за это тебя Стенька наградить,
 Шелку-бархату на платьѣ подарить.

2.

(Тамъ же.)

Во славиомъ было городѣ во Астрахани,
 Проявился тутъ дѣтинушка незнамои чловѣкъ,
 Буро-щепетно по городу похаживаетъ,
 У кушовъ гостинный дворъ запечатываетъ.
 Увидали молодца со Астраханскаго крыльца,
 Закричалъ тутъ губернаторъ громкимъ голосомъ,
 Вы подите, приведите добра молодца сюда,
 Къ губернатору на дворъ. . .
 Его началъ губернаторъ грозно спрашивать:
 — Отколѣ ты такой, дѣтинушка, незнамыи чловѣкъ,
 Не бѣглець-ли ты, не бѣглый-ли прохожий чловѣкъ,
 Поведите молодца во Астраханскую тюрьму! —
 Только успѣлъ молодець одно слово сговорить:
 — Завтра мой батюшка самъ къ тебѣ въ гости придетъ.
 Ты умѣй-ко его встрѣтить, умѣй честно проводить. —
 Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ по рѣкѣ,
 Тутъ плыла-то, выплывала одна лодочка легка,
 На лодочкѣ гребцовъ пятьдесятъ молодцовъ.
 Хорошо гребцы гребутъ, складно пѣсенки поютъ.
 Одинъ-то молодець не грянетъ, не гребетъ.
 — Что-то сегодня мнѣ, ребятушки, день скучный,
 Что-то сего дня моему сердцу вѣщо. . . .
 Знать-то мой сынокъ во погибели сидитъ,
 Во погибели во большой, во Астраханской во тюрьмѣ.
 Пособи, Боже, въ Астрахань городъ зайти,
 Астраханскую тюрьму головней всю покачу,
 Астраханскихъ вѣхъ невольниковъ на волю распущу,
 Съ самага--то губернатора со живаго кожу сдеру,
 Астраханскую губернаторшу на штыкъ посажу,
 Астраханскую его дочь себѣ въ постельницы возьму.

(Обѣ запис. Членомъ-сотрудникомъ Имп. Русск. Географ. Общества
 А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ).

3.

Ахъ да наши лѣса ль лѣсочки,
 Лѣса темные,
 Ахъ да вы станы ли наши,
 Станы наши теплые!
 Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да лѣсочки
 Всѣ лѣса наши порублены!
 Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да кусточки
 Всѣ кусты наши повызжены!
 Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, друзья-товарищи,
 Ой, братцы, всѣ переловлены.
 Ахъ да всѣ въ желѣзные въ ручные они кандашки
 Да всѣ позакованы!
 Ахъ да всѣ по уѣзднымъ, братцы, городкамъ
 Они всѣ поразосланы,
 Ахъ да всѣ по мѣстамъ они только по допросамъ
 Они допрошены!
 Ахъ да что одинъ за насъ, братцы, только товарищъ.
 Одинъ только не пойманъ былъ,
 Да по-прозваньицу былъ-то онъ, по фамильюицу.
 Онъ былъ Сенька Разинъ сынъ.
 Ахъ да зашаталась его буйная вотъ головушка
 Она только по чистому полю.
 (Сибирь. На Ильгинскомъ винокуренномъ заводѣ, на рѣкѣ Лепѣ).

4.

(Тамъ же).

Горы, горы, горы крутыя
 Вы горы Змѣевы,
 Вы позвольте горы,
 Горы постоят, —
 Намъ не годикъ здѣсь годовати,
 Одну ночку ночевати,
 И тою всю не спати:
 Пуль, пороху набирати,
 Пушки, ружьи наши заряжати,
 Во чисто поле стрѣляти,
 Стеньку Разина намъ встрѣчати.
 На Петровскомъ на лужечкѣ

Всѣ майданики * запусѣли,
 Всѣ несчастные приуныли:
 Стѣнки Разина вотъ у насъ не стало,
 Мы пойдемъ-те-ка, ребята,
 Въ бѣлокаменны палаты, —
 Ахъ да изъ палатушекъ посмотримъ
 Внизъ по матушкѣ да по Волгѣ,
 Да по широкой, славной долгой:
 Не бѣлымъ было на ней забѣлѣло,
 Не чернымъ черно зачернѣло
 Забѣлѣли то тонки парусочки.

(Обѣ записаны И. П. Корниловымъ.)

5.

(Симбирск. губ. Кореун. уѣзда, села Усть-Урень).

Не рябинушка со березынькой совивается.
 А не травонька съ травонькой соплетается,
 Какъ не мы-ли, добрые молодцы, совыкаемся.
 Какъ лѣса-ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
 Вы кусты-ли мои, кусточки, кусточки таловые,
 Вы станы-ли мои станочки, вы станы мои темные,
 И еще ли вы мои, лѣсочки, всѣ порубленные,
 Всѣ кусты мои, кусточки, всѣ поломанные:
 Всѣ друзья мои, братцы-товарищи, переловленные
 По разнымъ тюрьмамъ всѣ посаженные,
 Оставался одинъ товарищъ Стенька Разинъ сынъ...

(Запис. мною въ 1856 г. отъ крестьянина Цыглова.)

6.

(Пермск. губ. Камышл. уѣзда.)

Середь полюшка, поля чистова,
 Тутъ-то дубъ стоитъ одинъ одишешенець,
 А подь дубомъ тѣмъ добрый молодець,
 Добрый молодець Степанъ Тимофѣевичъ.

* Майданики—разбойничьи станы.

Передъ нимъ лежитъ ружье бранное,
По лѣву руку что тяжелъ камень,
По праву руку сабля острая.
Воздохнувши онъ слово вымолвилъ:
— Охъ ты волюшка, воля буйная,
Воля буйная да казацкая!
Спогубила ты добра молодца,
Добра молодца Стеньку Разина!
Кабы слушался отца съ матерью,
Споважилъ бы крестова батюшку,
Не скитался бы по бѣлу свѣту....
Какъ умру-то я доброй молодець,
Похоронять меня безъ отпѣтїя,
Безъ креста, безъ попа, безъ ладона,
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
Прошумить по мнѣ лѣсъ дремучій боръ:
— Память вѣчная Стенькѣ Разину!—

7.

(Тамъ же.)

Хорошо-то городъ испостроился,
Лучше городу да лучше Питера,
Да лучше матушки каменной Москвы, —
Вокругъ города да роца зеленая,
Въ этой роцицѣ воры разбойнички.
Вся-то роцица да испорублена,
Балаганчики все разоренные,
Все-то воры-разбойнички да пойманы —
Поймали-то плута Стеньку Разина,
Его поймали да связать не могли,
Міромъ прокляли да на-низъ прогнали...

8.

(Тамъ же.)

Ужь загорѣлася въ чистомъ полѣ ковыль трава,
 Добралася до бѣлаго до камешка,—
 Что на камешкѣ тамъ сидитъ младъ, ясенъ соколъ—
 Подпалилъ-то свои крылушки быстрые,
 Обжегъ-то соколъ ноженьки скорыя.
 Прилетало-то къ соколу стадо вороновъ,
 Садились-то вороны вокругъ сокола,
 Что въ глаза-то ясну соколу насмѣхалися,
 Называли-то яснаго сокола вороною:
 — Охъ ворона ты, ворона да подгуленая! —
 Возговорить въ кручинѣ младъ ясенъ-соколъ:
 — «Уже какъ пройдетъ бѣда моя да со кручиною,
 Отращу что я свои крылья, крылья быстрыя,
 Заживлю я свои ноги скорыя,
 Ужь взовьюся я ясенъ-соколъ выше облака,
 Опущуся я въ ваше стадо быстрой стрѣлой,
 Перебью я васъ черныхъ вороновъ до одинаго.» —
 Когда былъ Степанъ Разинъ во неволюнкѣ,
 Вскричалъ-то онъ, взоплилъ громкимъ голосомъ:
 — «Ой вы гой еси мои друзья, братцы, товарищи,
 Не покиньте вы меня во неволѣ добра молодца,
 Ужь пригожусь-то я вамъ, братцы, на время,
 Замѣню-то я вамъ смерть животомъ моимъ,
 Животомъ моимъ да вольною волею....

(Всѣ три записаны Членомъ — сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общества А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ)

9.

(Московской губ. Коломенскаго уѣзда.)

У Троицы было у Сергія подъ горой,
 За каменную за бѣлою стѣной,
 Стояла тамъ темная темница.
 А во той ли темной темницѣ

Сидѣлъ тамъ удалой молодчикъ
 По имени-прозванью Стенька Разинъ.
 Никто къ нему не зайдетъ и никто не заѣдетъ,
 Зашла къ нему, заѣхала гостя дорогая,
 Гостя дорогая, матушка родная:
 — Дитя ли ты мое, дитятко, дитя чадо милое!
 Не полно ли тебѣ, мое дитятко, во темницѣ сидѣти
 Не пора ли тебѣ, мое дитятко, вонъ выходить!
 Семь разъ я тебя выкупала, —
 По тысячѣ рублей давала,
 А теперь восьмой тысячи не стало. —
 — При пирѣ при бесѣдушкѣ
 Много друзевъ-братевъ,
 А какъ при горѣ, при кручинѣ —
 Всѣ прочь отступились.

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.).

Просынка Стеньки Разина.

1.

(Саратовской губ. Сердобск. уѣзда)

Какъ по Астраханской по улицѣ
 Шелъ удалый молодецъ (2)
 Въ черной бархатной корсеточкѣ,
 На распашечку идетъ (2)
 И свой персидскій кушачекъ (2)
 Во правой рукѣ несетъ.
 Черная шляпа (2) съ прозументами
 На лѣвомъ (2) ушкѣ.
 Съ енералами, съ сенаторами
 Самъ не кланяется, идетъ (2)
 Къ Астраханскому губернатору
 Самъ подъ судъ къ нему не идетъ (2).
 Увидалъ же его губернаторъ
 Съ бѣлыхъ каменныхъ палатъ (2),
 Закричалъ же губернаторъ
 Громкимъ голосомъ своимъ (2):
 — «Слуги мои вѣрные,

Вы донскіе казаки (2)
 Вы подите разыщите-ка,
 Разудалаго молодца, (2)
 И вы ищите его добра молодца
 По всей Астрахани, (2)
 И вы ищите его разудалаго
 По трактирамъ-кабакамъ, (2)
 Да и по питейнымъ домамъ. > (2) —
 И привели же его разудалаго
 Къ губернатору подь судъ, (2)
 И сталь же его губернаторъ
 Крѣпко выспрашивать:
 — Да уже чей ты и отколь же,
 Чьего роду племени?
 А ты чьего дома.
 Чей ты матери, отца?
 Ты не съ Волги ли бурлаченка,
 Ты не съ Дону ли казакъ? (2)
 Ты не съ матушки ли каменной Москвы,
 Ты купеческой сынокъ?—
 — Я ни съ Волги ни бурлаченка,
 И ни съ Дону я казакъ, (2)
 Я ни съ матушки съ каменной Москвы,
 Ни купеческой сынокъ. (2)
 Ахъ я съ рѣчушки со Камушки,
 Сеньки Разина сынокъ. (2)
 Закричалъ же на него губернаторъ
 Громкимъ голосомъ своимъ: (2)
 — Ахъ вы поведите его разудалаго
 Въ бѣлый каменный острогъ (2). —
 Ахъ да невольничковъ какъ я выручу,
 Губернатора я выучу, (2)
 Ахъ да по всей ли Астрахани
 А я моремъ проплыву (2)
 Всѣхъ невольничковъ парусомъ проведу.

2.

(Новгород. губ.)

Очутился-проявился здѣсь незнакомый человекъ,
 Здѣсь незнакомый, незнакомый, неизвѣстно чей откуль.
 Баско, щепетно по городу погуливаетъ, —
 На босу ногу башмачки, черна шляпа пуховая,
 Синь кафтанчикъ на молодца на распашечку надѣтъ,
 Бѣлъ персидской кушачекъ черезъ плечико взукрестъ.
 Ужъ какъ шелъ-прошелъ дѣтинушко гостиннымъ рядомъ,
 Гостиннымъ, рогозиннымъ съ Астраханскимъ купцомъ.
 Астраханскій губернаторъ увидѣлъ изъ окна,
 Ему честь онъ воздастъ, низко кланяется.
 Низко кланяется, все выспрашиваетъ:
 — Ужъ ты чей, откуль, дѣтина, чьихъ губернь-городовъ? —
 Я такой-сякой дѣтина, Сеньки Разина сынокъ,
 Сеньки Разина сынокъ, расторопный паренёкъ.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

3.

(Сарат. губ. Хвалыиск. уѣзда, с. Безобразовка).

Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ по астраханской,
 Тутъ и шелъ прошелъ мальчишка,
 Онъ не знамый, разудалый, чей такой!
 На немъ сѣренькій кафтанчикъ, голубой на немъ камзолъ,
 Голубой на немъ камзоликъ, на распашечку идетъ,
 Свой персидской кушачинко во правой рукѣ несетъ,
 Разбѣлехоньки перчатки во лѣвой рукѣ держаль,
 Разбумажненьки чулочки на рѣзвыхъ его ногахъ,
 Козловые полусаножки на бумажненькихъ чулакахъ,
 Черна шляпа со бархоткой на русыхъ его кудряхъ.
 Шелъ онъ городомъ-базаромъ — не кланялся ни съ кѣмъ,
 Ни съ купцами, ни съ господами, ни съ кѣмъ черну шляпу не
 ломаль,
 Съ Донскими казаками челомъ землю не бьетъ,
 Къ Астраханскому новому губернатору подъ судъ нейдетъ.
 Заходилъ молодчикъ удалый въ царёвъ новый кабакъ,

И беретъ вина много, — никому расчетъ деньгамъ не даетъ,
 Расчетъ деньгамъ не даетъ, на поставъ рукою бьетъ.
 И увидѣлъ Князь губернаторъ со високаго крыльца,
 Закричалъ Князь губернаторъ громкимъ важнымъ голосомъ:
 — У меня ли при дворцѣ слуги вѣрные при мнѣ?
 Вы подите слуги вѣрные во царевъ новый кабакъ,
 Тамъ какой-то невѣжа вино пьетъ, расчетъ деньгамъ не даетъ,
 Расчетъ деньгамъ не даетъ, на поставъ рукою бьетъ,
 Вы возьмите слуги вѣрные, приведите его сюда. —
 Какъ взяли-ухватили его удалова молодца,
 Повели молодчика къ губернатору къ крыльцу.
 И сталъ Князь губернаторъ крѣпко спрашивать его:
 — Ты скажи, скажи, дѣтинка изъ какихъ ты изъ земель,
 Иль ты князь какой, иль бояринъ, иль купеческій сынъ,
 Иль изъ иныхъ городочковъ не скорой ли ты посоль? —
 Разудаленькій мальчишка отвѣтъ скоро держалъ:
 — Я ни князь, ни бояринъ, ни купеческій я сынъ,
 Ни изъ иныхъ я городовъ ни скорой я посоль;
 А я со тою сторонки, со Камы со рѣки,
 Со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынокъ. —
 — Посадили молодчика въ верхній каменный камаръ.
 И по камару онъ похаживаетъ,
 Частехонько въ окошечко поглядываетъ.
 Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ плыли-выплывали эвсаулушки три
стружка:
 Во первымъ во стружечкѣ золотая его казна лежитъ,
 Во другимъ во стружечкѣ гребцы пѣсельники сидятъ,
 Во третимъ во стружечкѣ — самъ Степанъ Разинъ Тимофѣевъ.
 И возгаркнулъ онъ, воскрикнулъ громкимъ-важнымъ голосомъ:
 — Ужь вы братцы мои, ребята! Мнѣ нынче темной ночки не
спалось,
 Не спалось мнѣ темной ночки, много видѣлось во снѣ:
 Будто мой милой сыночекъ во-поимани сидитъ,
 Во такой во-поимани — бѣлокаменной тюрьмѣ...
 Я бѣлокаменну тюрьму по камешку разберу,
 Астраханскаго Князя губернатора къ себѣ подъ судъ возьму.

(Запис. мною 24 Юля 1872 года, отъ крестьянина Фед.
 Семенова Вдовина).

Смерть Царя Алексѣя Михайловича.

(Москва).

Ужь ты батюшка свѣтель мѣсяць,
Что ты свѣтишь не по прежнему,
Не по прежнему не по старому,
Все ты прячешься за облака,
Застилаешься тучей грозною!
Какъ у насъ было на святой Руси,
На святой Руси въ каменной Москвѣ,
Во Кремлѣ было въ славномъ городѣ,
Близъ Ивана, близъ Великаго,
Во соборѣ было во Архангельскомъ,
Какъ у праваго было клироса:
Молодой стрѣлецъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится,
Онъ плачетъ какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ слезъ ручьи текутъ,
Онъ и бьетъ бердыша дровкомъ,
Бердыша дровкомъ о сырѣ землю:
— Ужь ты гой еси, мать сыра земля:
Ты раздайся на всѣ стороны,
Ты раскройся гробова доска,
Развернися золота камка!
Ты возстань, возстань Православный царь,
Православный царь Алексѣй Михайловичъ,
Посмотри ты на свою семью,
На свою семью, на святую Русь,
На святую Русь, на Москву матушку,
Москву матушку сиротинушку!—

(Запис. со словъ Д. Е. Молчанова, слышавшаго эту пѣсню въ Москвѣ, отъ 134-лѣтняго старика солдата.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО.

Гнѣвъ Царя на стрѣльцовъ.

(Самарск. губ.)

Государь царь на стрѣльцовъ прогнѣвался,
 Приказалъ ихъ рубить и вѣшати.
 Случилося нашему батюшкѣ,
 Петру Алексѣевичу, со крыльца сойти:
 Передъ нимъ стоять дородный добрый молодець
 Стрѣлецкій атаманушка.
 На нёмъ соболья шубенка въ пять сотъ рублей,
 А бобровая шапочка въ тысячу.
 Онъ поклонился царю-то въ рѣзвы ноги:
 «Ой ты, ой еси нашъ батюшка,
 «Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 «Не прикажи ты весь садъ рубить на корень,
 «Хоть покинь ты въ саду одну яблоньку на сѣменьку.»
 — Ой ты, ой еси стрѣлецкій атаманушка!
 — Ты пошелъ отъ меня на мѣсто на показное.

(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.)

Рожденіе царевича Алексѣя Петровича.

(Пермск. губ. Камышловск. уѣзда.)

Какъ у насъ было во Царствѣ, каменной Москвѣ,
 У Царя-то у Петра-то у Перваго,
 Идетъ пирь-пированьицо;
 Пьютъ на веселѣ, на радости
 Со князьями, со боярами:
 Родился у него милый сынъ Алексѣй Петровичъ.
 Ужь и кличетъ Царь кличъ, гаркаетъ,
 По три утра, да по три вечера,

По три зари, зари утренія.

«Ужь и есть-ли въ Москвѣ плотнички,

«Государевы работнички?

«Ужь вы сдѣлайте плотнички золотую колыбелюшку,

«Младому царевичу Алексѣю Петровичу,

«Ее мудрую, хитрую изъ кинариснаго дерева.

«Въ головахъ-то вырѣзывайте: веходи красное солнышко,

«Въ погахъ-то вырѣзывайте: перекатный свѣтель мѣсяць,

«По праву руку вырѣзывайте частыя звѣздочки,

«По лѣву руку вырѣзывайте коня добрава, сивова, косматова.»

На утрѣ было на утрничкѣ, на сходимомъ красномъ солнышкѣ,

Приходили къ царю плотнички съ золотой колыбелю.

Ужь и эта же ему колыбелюшка весьма да поглянулася,

Младому царевичу Алексѣю Петровичу...

(Запис. Чепомъ сотрудникомъ Русск. Географ. Общества А. Я. Кокосовымъ и сообщ. А. Н. Майковымъ.)

Князь Голицынъ.

1.

(Московск. губ. Коломенск. у.)

Не куликъ-то по болотѣ куликаеть,

Нашъ батюшка, князь Голицынъ, по Москвѣ гуляетъ.

Онъ проулками, переулками въ городъ проѣзжаетъ,

Ко Успенскому собору близко подъѣзжаетъ.

Скидываетъ князь Голицынъ шапочку соболью,

Онъ кланяется, покланяется Царю-Государю.

«Здравствуй Государь-Царь, ты моя надежда!

«Прикажи Государь-Царь словечко промолвить:

«Что ты прочихъ господъ жалуешь волосями,

«А господскихъ дѣтей жалуешь чинами;

«А меня Государь-Царь пожалуй однимъ городочкомъ.

«Тѣмъ ли городочкомъ больнимъ Ярославлемъ.

«Что и этотъ городочекъ хорошо построенъ,

«Хорошо городъ построенъ, при рѣкѣ поставленъ.»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

2.

(Воропежск. губ. Бирючинск. у.)

Что ни куликъ по болоту
 Куликъ куликаеть,
 А молоденькій князь Голицынъ
 По лужкамъ гуляетъ.
 Онъ думаетъ-гадаетъ,
 Какъ въ Москву проѣхать:
 Лужкомъ князю ѣхать—грязно,
 Лѣсомъ ему ѣхать—страшно,
 Дорогою ему ѣхать—пыльно,
 Москвой ему ѣхать—стыдно.

Подъзжаетъ князь Голицынъ
 Ко Тверской заставѣ.
 «Ахъ держите вы, ребята,
 «Глухимъ переулкомъ
 «Прямо ко Собору.»
 Какъ скидаетъ князь Голицынъ
 Шапочку соболью.
 Вотъ Богу князь помолился,
 Царю поклонился.
 Подарилъ за то Царь князю
 Малымъ городочкомъ,
 Что тѣмъ малымъ городочкомъ,
 Славнымъ Ярославлемъ.

(Зап. А. Н. Афанасьевымъ.)

3.

(Псковск. губ.)

Не куличенка въ полѣ куликаеть,
 То молоденькій князь Голицынъ по лужку гуляетъ.
 Не одинъ князь гуляетъ,—со своими полками,
 Со своими полками съ Донскими казаками,

Съ егерями съ стрѣлками.
 Стали думать, да гадать—
 Гдѣ въ Москву проѣхать:
 — Чистымъ полемъ князю ѣхать
 Очень гораздъ пыльно!
 Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать
 Очень гораздъ темно!
 По подлѣсью князю ѣхать,
 Князю очень грязно!
 Каменной Москвой князю ѣхать
 Очень гораздъ стыдно!—
 Проѣзжаетъ князь Голицынъ
 Москвою рѣкою!
 Москвою рѣкою—большой слободою
 Слободой Ямскою!
 Енъ проѣзжаетъ князь Голицынъ
 Ко Москвѣ—ко Собору,
 И снимаетъ князь Голицынъ—
 Шапочку соболью!
 Начинаетъ князь Голицынъ самъ Богу молиться:
 Помилуй насъ Господи отъ невѣрной силы,
 Отъ вора Француза.

(Сообщ. М. П. Семеvскимъ)

4.

(Симбирской губ. Корсунскаго у., с. Усть-Урень).

Не куличенка куликаетъ,
 Не большой-то ли князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ.
 Онъ думаетъ-гадаетъ: гдѣ въ Москву проѣхать?
 «Лѣсомъ князю ѣхать,—очень темно;
 «А лугами князю ѣхать,—мужичкамъ накладно;
 «Косогоромъ князю ѣхать,—очень косогорно;
 «Чернобылью князю ѣхать,—очень чернобыльно;
 «А дорогой большой князю ѣхать,—очень пыльно;
 «А Москвою князю ѣхать,—очень стыдно:»
 У князя есть карета—худыя лесоры.

«Поворачивай, ребята, глухимъ переулкомъ!»
И подъезжаетъ князь Голицынъ къ Большому Собору...

(Зап. мною въ 1856 г. отъ 60-ти лѣтняго крестьянина, слѣнца Ефрема Полякова.)

(Тамъ же.)

Не куликъ куликаетъ.
Не большой-то ли князь Голицынъ
Во лужихъ ш гуляетъ:
Не одинъ-то князь гуляетъ.
Гуляетъ-то со своими полками,
Да все съ казаками.
Онъ думаетъ-гадаетъ:
«Гдѣ бы въ Москву мнѣ проѣхать?
— Дороженькой князю ѣхать—ильно;
Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать—очень страшно,
А зеленами лужими ѣхать—тонко.—
— Я проѣду, князь Голицынъ, на Московскую дорогу.»—
И выезжаетъ князь Голицынъ на Московску дорогу.
Подъезжаетъ князь Голицынъ къ Московскимъ воротамъ.
Какъ у князя Голицына хуля лесоры:
Онъ думаетъ, князь гадаетъ: какъ Москвой проѣхать?
Глухимъ переулкомъ, улицей Ямскою,
Улицей Ямскою, дорожкой Тверскою,
Дорожкой Тверскою, ко Силенскому Собору.
Подъезжаетъ князь Голицынъ ко Силенскому Собору,
Скидаетъ свою шаночку соболью,
И приходитъ князь въ соборную церковь.
Начинаетъ князь Голицынъ Богу молиться:
Помолился князь Голицынъ, вѣсьмъ низко поклонился,
Самому Императору поклонился пониже:
«Охъ ты, Государь нашъ, Императоръ!
«Вѣхъ ты господъ жаловаль чинами,
«А меня ты ни чѣмъ не пожаловаль?»
— Жалую тебя, князь Голицынъ, городомъ Ярославлемъ.—

(Зап. мною отъ ратника Николая Картавенкова.)

6.

(Смоленск. губ., Духовницкаго у.)

Не куликъ въ полѣ куликаеть,
 Большой князь Голицынъ по лугу гуляетъ,
 Онъ думаетъ-гадаетъ, гдѣ пройтить, пробхать:
 — Дорожкой ѣхать—очень нильно,
 Темнымъ лѣсомъ ѣхать—очень странно,
 Лугами ѣхать—трава спавелика,
 Каменной Москвой князю ѣхать—очень стыдно,
 На своихъ лесорахъ, на хульхъ на дрожкахъ.
 — Ёхать ли мнѣ князю не ѣхать глухимъ нереулкомъ,
 «Глухимъ нереулкомъ, новой слободою.»—
 Подъезжаетъ князь Голицынъ къ Большому Собору,
 Скидаетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
 Восходитъ князь Голицынъ во Божію церковь.
 Веѣмъ князьямъ-боярамъ низко поклонился,
 Самому Императору поклонъ особенный.
 «Батюшка православный царь!
 «Чѣмъ господь ты жалуешь?»
 — Прочихъ-то господь жалую разными селами,
 — А тебѣ, князь Голицынъ, въ полѣ хоромы,
 — Въ полѣ хоромы—не крыты, не мшоны,
 — Не крыты, не мшоны—верхи не свершоны.

(Зап. мною въ 1863 г. отъ крестьянки.)

Князь Стрѣлковскій.

(Симбирск. губ., с. Усть-Урень.)

• Мимо лѣску, мимо бору сыраго,
 Пролетала путь-дороженька;
 Никто по ней не прохаживаль,
 И никто по ней не проѣзживаль:
 Только шель-прошелъ одинъ полкъ казаковъ.

Напередъ у нихъ ѣхалъ злой полковничекъ,
 Злой полковничекъ ѣхалъ, князь Стрѣлковскій.
 «Прикажи ты намъ здѣсь ночевати.»
 Князь Стрѣлковскій на то рассердился,
 И поѣхалъ онъ на крутыя горы,
 И беретъ во праву рученку подозрную трубоньку,
 И поглядывалъ на чисто поле далекохонько:
 Какъ во трубоньку ничего ему не видно,
 Только и видно ему—быстрая рѣчка,
 Какъ по рѣчущкѣ растеть камышъ-травка,
 Какъ со вечера травка притихаетъ,
 Ко полуночи травка зашумѣла,
 Ко бѣлой-то зарѣ травка завѣвала....

(Зап. мною отъ ратника Николая Картавенкова.)

Черышевъ Захаръ Григорьевичъ въ плѣну у царя Турецкаго.

Ужь таланъ ли мой, таланъ такой,
 Ужь ты участь моя горькая!
 Ты звѣзда ль моя восточная,
 Восточная полуночная!
 Высоко звѣзда восходила:
 Выше лѣсу, выше темнаго,
 Выше облака ходячаго.
 Становилася свѣтла звѣзда
 Противъ устьяца тихова Дону,
 Тутъ стоялъ ли Азовъ городъ.
 Во Азовъ крѣпкомъ городѣ,
 За стѣною бѣлокаменной
 Тутъ стояла темная темница,
 Темная темница заключенная.
 Въ ней сидѣлъ душа невольничекъ,
 Невольничекъ Россійскій графъ,

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ сидѣлъ въ ней ровно три года,
 Ровно три года и три мѣсяца.
 Отростилъ онъ свои русы кудри
 Что по самыя могучи плечи;
 Отростилъ свою бородушку
 Онъ по самый по шелковъ поясъ.
 Случилося мимо ѣхати
 Самому царю Турецкому,
 Что Султанъ Султановичу.

Какъ воскрикнетъ громкимъ голосомъ
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ:

«Ты Султанъ Султановичъ!
 «Прикажи меня поить, кормить,
 «Прикажи на волю выпустить.
 «Напишу я на Донъ грамотку,
 «Не перомъ я не чернилами,
 «А своими горячьми слезьми,—
 «Тогда тихій Донъ возволнуется,
 «Казаки съ Дону подымутся
 «И тебя царя въ полонъ возьмутъ.»

— Царю слово показалось:

Приказалъ его поить, кормить,
 Приказалъ на волю выпустить.
 Какъ возговорить Турецкій царь:
 «Ужъ ты гой еси, Россійскій графъ,
 «Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ!
 «Послужи мнѣ вѣрой правдою,
 «Какъ служилъ ты Царю Бѣлому!»
 Какъ возговорить Россійскій графъ:
 — «Какъ бы была востра сабелька,
 «Послужилъ бы вѣрой правдою,
 «Надъ твоей бы шеей толстою,
 «Надъ твоей буйной головушкой!»

— Царю слово показалось:

Приказалъ его пожаловать,
 Что высокими хоромами,
 Хоромами не мшонными,
 Не мшонными, не вершонными;—
 Среди поля двумя столбиками

А третья перекладинка,
А четверта—шелкова петля.

(Зап. со словъ Д. Е. Молчанова, который въ молодости пере-
нял эту пѣсню въ Москвѣ отъ старика солдата 134 лѣтъ.)

Усердіе и умъ русскаго боярина при взятій Азова.

У насъ было во Кремль во городъ,
У того у собора Успенскаго
Совзжались князья и бояра,
Всѣ сильные воеводы Московскіе.
Ужь какъ Царь говорить, какъ въ трубу трубить:
— «Охъ вы гой еси князья, бояре!
Какъ намъ, братцы, на приступъ идти,
Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
Азовъ городъ во крѣпѣ стоитъ,
Нельзя къ нему подойти, подѣхати.»—
Какъ тутъ-ли бояра испужались,
Большой за меньшаго хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать.
Ахъ что возговоритъ Михаилъ Скопинъ:
— «Охъ ты гой еси грозный Царь!
Благослови меня слово молвити,
Или цѣлу рѣчь выговорити:
Дѣлайте телѣжки бурматскія,
Убирайте ихъ кунами собольими,
Сукнами багредовыми и гвоздьми полуженными,
Сажайте въ телѣжки по пяти человекъ.
Я поѣду въ тотъ городъ могучій гость,
Я возьму тотъ городъ въ единый часъ.»—
Пріѣхали они ко синю морю,
Кричитъ онъ, вопить перевозчиковъ:
— «Перевезите гостя могучаго,
Что во тотъ ли во Азовъ городъ!»—
Стали бурмистры и головы

Стали поплины спрашивати.
 Ахъ вы гой еси бурмистры п головы,
 Погодите вы до утрѣя,
 Я отдамъ по такѣ полную.
 Со полуночи до вечера могучій гость
 Черезъ сине море переправился,
 Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую,
 И донесъ царю о возможности.

(Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ и т. д. ч. 4. Москва 1822
 г. стр. 223. № 622.)

Графъ Шереметевъ и французскій маіоръ.*

(Московск. губ. Коломна.)

Не грозная туча заходила,
 Выходила Шереметьева пѣхота;
 Что не свѣтлая молнія освѣтила,
 Освѣтила Шереметьева сабля острая;
 Не шибко-громко громъ ударилъ,
 А ударилъ Шереметьевъ изъ картечи.
 Эссаулы караулы скрали,
 Французскаго маіора во полонъ взяли;
 Повели того маіора ко фельдмаршалу
 Ко Борису Григорьевичу Шереметьеву.
 Сталъ того маіора Шереметьевъ спрашивати:
 «Ты скажи, скажи маіорикъ правду мнѣ;
 «Ужь много ли въ васъ силы въ Оленбурхъ?»
 — Въ Оленбурхъ у насъ силы сорокъ тысячъ,

* Слова: «французскій маіоръ», «французскаго маіора во полонъ взяли», «въ Оленбурхъ», «съ самимъ Бонапартомъ» — нисколько не мѣшаютъ этой пѣснѣ служить дополнительнымъ вариантомъ къ тому небольшому отдѣлу Петровскихъ пѣсенъ, который въ 8-мъ выпускѣ собранія П. В. Кирѣевского озаглавленъ: «Шереметевъ и Шлишпенбахъ. Маіоръ земли Шведской». Подобные анахронизмы нерѣдко въ нашей, какъ и всякой другой, народной поэзи.

— А съ самимъ Бонапартомъ смѣты нѣтъ.—
 Какъ ударилъ Шереметевъ маіора въ щеку:
 «Что ты врешь, маіоръ, лукавишь,
 «А меня ли Шереметьева пугаешь?»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

Рыжковъ Генеральъ.*

1.

(Новгородск. губ. Валдайск. уѣзд. с. Гоголево.)

Не влюбили молодца отецъ-то и мать,
 Ахъ! согнали меня удалаго долой со двора.
 Большая сестрица коня вывела,
 Средняя сестрица сѣдло вынесла,
 А меньшая сестрица мнѣ плетку подала,
 Подавши плеточку мнѣ словечко молвила:
 — Охъ! братецъ, братецъ ты нашъ ясенъ соколъ,
 Когда же это, ясенъ-то соколъ нашъ тебя, братецъ, дожидать
 домой?—

— Сестрица да ты родимая, горяша ты моя,
 Горевавши горяшко, вспомяни меня.
 Ахъ! выди ты моя сестрица на бугру гору,
 Погляди родимая подъ ясну зарю,
 Погляди родимая по синему морю.
 Что по синему по морюшку частыя волны бьютъ,
 А у меня у добраго молодца пуще слезы льютъ.—
 По морю по морю все Верейскому
 Плыли, всплывали тридцать кораблей,
 Тридцать три кораблика Донскихъ все казаковъ,
 Донскихъ, Яицкихъ, Запорожскихъ.
 Напередъ корабличекъ какъ соколъ летить,

* Т. е. Рычковъ. Ср. «Пѣсни собран. П. В. Кирѣвскимъ», вып. 8., стр. 148—153. По тожеству содержанія мы и слѣдующую пѣсню про атамана Нарышкина помѣщаемъ рядомъ какъ варіантъ.

На этомъ на корабликѣ плыль Рыжковъ енераль.
 Какъ Рыжковъ енераль ребятушкамъ разговариваль:
 — Гребите вы, ребятушки, не робѣйте!
 Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте!
 Что за намъ-то за добрымъ молодцамъ есть погоня,
 Догоняетъ насъ силушка западная,
 Западная силушка, воровская.—
 Просвистала пушечка вѣстовая,
 Пролетѣло ядрушко пудовое,
 Пудовое это ядрышко свинцовое.
 Охъ, никого насъ молодець да не крянуло,
 Только это нашъ корабличекъ потравило,
 Корабельную досочку проломило,
 А Рыжкова енеральчика задавило.

(Запис. мною отъ 74-лѣтней старухи.)

2.

(Новгородской губ. Кирил. уѣзда.)

Сговорилъ, промолвилъ Нарышкинъ атаманъ:
 — Ужь вы, братцы, вы братцы, товарищи мои,
 Донскіе казаки, да Запорожскіе,
 Садитесь-ка ребятушки въ легку лодку,
 Берите-тко братцы по весельцу,
 Гребите-тко братцы, погребайте,
 Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте;
 За Нарышкинымъ есть погоня,
 Погонюшка, силушка не малая.—
 Не малая силушка, воровская,
 Воровская силушка, западная.
 Не лютая змѣюшка въ полѣ зашипѣла;
 Зашипѣла пушечка боевая,
 Пролетѣла пулечка свинцовая;
 Ни кого въ кампанищѣ не убила,
 Убила въ кампанищѣ атамана;
 Убила его да не до смерти,
 Въ бѣломъ тѣлѣ душенька встрепескалась,

Ретиво сердечушко испугалось;
 Сговорилъ, промолвилъ Нарышкинъ агаманъ:
 — Ужь вы братцы, вы братцы, товарищи мои,
 Вы свезите мое тѣло къ синю морю,
 Вы обмойте мое тѣло водою,
 Вы тою водою да морскою.—

(Сообщ. А. Н. Майковымъ.)

Первые наборы.

1.

(Тверск. губ. Останков. уезд. село Федорова-двора.)

При долинункѣ при той, да при такой,
 Вырость кусть калиновый, кусть калиновый.
 Что на томъ ли на кусту, да на кусточкѣ.
 Сидѣль соловьюшко размолоденькѣй.
 Не соловьюшко сидѣль, не молоденькѣй.
 А сидѣль-то, сидѣль удалъ добрый молодець.
 Не за батюшку сидѣль молодець, не за родну матушку,
 А сидѣль онъ за свою за сударунку.
 Сидѣвни онъ молодець слезно плакаль,
 Слезно плакаль, жалко приовариваль:
 — За кого я молодець свяжу во неволюнкѣ,
 Во неволюнкѣ, во большой заботушкѣ,
 Что и кто же меня молодца вспоилъ, векормилъ?
 Вспоилъ меня, векормилъ православный мѣръ,
 Бѣло вымыла меня ключева вода,
 Всклыхала меня легкая лодочка,
 Возлелѣла меня чужая сторонушка,
 Зачесала волоса частая гребеночка,
 Завила мои кудерюшки сударушка,
 Завивавши кудри приговаривала:
 «Кому-то эти кудерюшки достанутся?»
 — Доставались мои кудри Царю Бѣлому,
 Царю Бѣлому-Петру Первому.—

Зап. въ 1858 г. гимназистомъ 7-го класса Тверской гимназiи О. Тюкинымъ.)

2.

(Витебскъ.)

Какъ за рѣченкой за Волгою,
 Не камышь трава въ полѣ шатается—
 Запатался душа добрый молодець;
 Онъ не самъ собой, не своей охотою,
 Онъ не охотушкой,—больной неволюшкой.
 Какъ неволюшка-наша жизнь боярская,
 Жизнь боярская, служба государская,
 Нашего Царя Блага, Петра Перваго.
 Петръ Первый же объявилъ солдацину,
 Молодыхъ ребятъ идти во солдаты брать.
 У солдатунки намъ идти не хочется,
 А хоть и хочется,—назадъ не ворочаться,
 Хоть и вернемся,—къ сердцу не привернемся.

Запис. мною въ 1870 г. отъ бывшей дворовой.)

3.

(Витебскъ.)

Заболѣла моя головушка,
 Всѣ моя буйная,
 Какъ заныло мое, охъ мое сердечушко,
 Мое ретивое,
 Какъ слышало, охъ моѣ сердечушко,
 Оно про несчастье,—
 Какъ быть ли мнѣ, быть, доброму молодцу
 Быть мнѣ во солдатахъ,
 Какъ служить, мнѣ служить доброму молодцу,
 Царю государю.
 Какъ носить мнѣ, носить, доброму молодцу
 Сѣрые мундиры,
 Какъ стоять то мнѣ, стоять, доброму молодцу,
 У крѣпкомъ караулѣ.

Я уиду, я убѣгу охъ я, добрый молодець,
 Съ крѣпка караула,
 Какъ пойду я, пойду, добрый молодець,
 Въ большую деревню,
 Подойду, подбѣгу ужъ я, добрый молодець,
 Къ батюшкѣ подъ окошко.
 — «Ты вступи, ты вступи родной батюшка,
 Вступи обогрѣться.»—
 — «Не вшущу тебя, любимое дитятко,
 Боюсь худой славы,
 Ты иди-тко, иди, любимое дитятко,
 Иди въ чистое поле;
 Ты стань, ты стань, любимое дитятко,
 Подъ бѣлую березу,
 Что обогрѣть тебя, любимое мое дитятко,
 Все красно солнце,
 Что осушать тебя, любимое дитятко,
 Буйные вѣтры».
 Провались-тко ты, родимая магушка,
 Сквозь сыру земельку,
 Загорись-тко мой родимой батюшка
 Съ своимъ жиленьемъ,
 Развивайтесь вы, желтыя кудерки,
 По буйной головкѣ.

4.

(Москва.)

Вились мои кудерушки, вились-развивались,
 Почуяли кудерушки на себя невзгоду:
 Ужъ и быть мнѣ молодцу, быть мнѣ во солдатахъ;
 Ужъ служить мнѣ молодцу, стоять въ караулѣ...
 Пристоялись скоро тамъ мои быстрыя ноги.
 Задумалъ я, молодець, задумалъ бѣжати,
 И бѣжалъ я, молодець, не путемъ дорогой.
 Ужъ бѣжалъ я, молодець, чистыми полями,
 Что и чистыми полями, темными лѣсами.

Я во чистомъ полѣ весь-то измочился,
 Я во темномъ лѣсу весь-то искололся.
 Прибѣжалъ я, молодець, къ своему подворью,
 Постучалъ я, молодець, въ косячето окошко:
 «Ты впусти меня, сударь-батюшка, впусти осушиться?
 Ты впусти меня, родная матунка, впусти обогрѣться.»—
 И впустила-бъ я тебя, мое дитятко, да боюсь Гоеударя.
 Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле,
 Ужъ и тамъ тебя, мое дитятко, буинымъ вѣтромъ высушить,
 Быйнымъ вѣтромъ высушить, краснымъ солнцемъ выпрѣть.»
 И пошелъ я, молодець, пошелъ и заплакалъ:
 «Ты возмись, загорись батюшкино подворье,
 Ужъ ты згинь, пропади матушкино домовице.»—

(Запис. А. Н. Афанасьевымъ.)

б.

(Саратовской губ. Сердобск у. с. Пяша.)

За рѣчкой за Невагой, за другой переправой,
 Ходилъ гулялъ добрый молодець,
 Онъ не одинъ-то гулялъ, гулялъ съ боярыней,
 Рѣчи съ ней разговаривалъ.
 Я не самъ сюда зашелъ, не своей охотой,
 Занесла меня молодца сюда неволюшка,
 Еще то меня жизнь боярская,
 Жизнь боярская, служба царская.
 Не пыль-то въ полѣ запылилась,
 Не туманъ съ моря сподымался,
 Ковыль трава въ полѣ шаталась,
 Зашатался добрый молодець
 По чужой сторонущкѣ.

(Запис. А. А. Мясоѣдовой.)

Сборы солдатъ, новаго войска

(Тверь)

1.

Какъ во городѣ въ Перемышлѣ,
 Во селѣ было во Покровскомъ,
 Всѣ квартирушки порасписаны,
 Всѣ солдатушки поразставлены
 Полку Тульского Гренадерскаго,
 Гренадерскаго роты первыя.
 Какъ охочи были солдатунки
 По ночамъ гулять съ красными дѣвушками,
 Съ красными дѣвушками со верейскими,
 Съ молодыми деревенскими,—
 Учинилось вдругъ несчастье,
 Ужъ несчастье-то вдругъ великое,
 Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
 А съ полуночи ружья чистили,
 Къ бѣлу свѣту во строю стоять.
 Капитанъ стоитъ передъ ротою,
 А маіоръ стоитъ посреди полку,
 А полковникъ подъ знаменами,
 Подъ знаменами съ музыкантами.
 Капитанъ кричить: на плечо ружье;
 А маіоръ кричить: по ремнямъ спускай;
 А полковникъ: во походъ ступай
 Въ землю Шведскую королевскую! —
 Изъ-за горъ было горъ высокіихъ,
 Изъ-за лѣсику лѣсу темнаго
 Не бѣла заря занималася,
 Отходила тутъ цѣла армія,
 Цѣла армія Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго — Петра Первова
 Напередъ идетъ молодой солдатъ...

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника).

2.

(Новгородск. губ. Кириловск. уѣзда.)

Какъ за рѣченькой было за Невагою,
 За другой рѣчькой было Переправокъ,
 Не пылъ трава въ полѣ шатается,
 Что шатается дуна добрый молодецъ,
 Онъ не самъ зашелъ, не своей охотою,
 Запесло его все братцы неволею;
 Ему жизнь, братцы,—жизнь ему боярская;
 Ему служба-то, служба была царская.
 Служба Царя Бѣлаго-Петра Перваго.
 Царя благовѣрнаго сила въ походъ пошла.
 Въ землю половецкую разореную.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ)

3.

(Новгородск. губ. Кириловск. уѣзда.)

За рѣченькой Невой, за другой Переправой,
 Не полынь горькая травенька шатается,
 Зашаталася во полѣ да душа моя,
 Что за душенька душа добрый молодецъ.
 Я не самъ зашелъ, не своей охотою,
 Завела дружка молодца неволюшка,
 Что не волюшка чужая сторонка,
 Жизнь наша боярская, служба государская.
 Тяжела служба день до вечера:
 Что со вечера служба до полуночи,
 Съ полуноченьки часу до девятого,
 Со девятого мѣсяць выкатается,
 Часты звѣздочки съ неба сыплются,
 Разсыпалася сила наша армія,
 Не армія сила-конногвардія,

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

4.

(Московск. губ. Коломна)

Изъ-за лѣса, лѣса темнаго
 Не бѣлая заря занимается,
 Не красное солнце выкатается, —
 Выкаталося знамя царское.
 А на значекѣ есть написано,
 Не про насъ-ли это, про молодчиковъ:
 Про молодчиковъ, про некрутиковъ. —
 Всѣ солдаты во походъ пошли,
 Напередъ идти молодой сержантъ.
 Онъ не пьянъ идетъ-самъ шатается,
 За ковыль траву залетается,
 Горючими слезьми заливается;
 Со отцемъ съ матерью онъ прощается:
 «Прости батюшка, прощай матушка,
 «Съ молодой женой и прощенья нѣтъ.
 «Молода жена неуслужлива,
 «Она меня молодца мало слушала.»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ)

5.

(Новгородск. губ. Бирюловск. уѣзда.)

Тутъ то шли-прошли уланы молодые,
 За уланами шли матушки родныя.
 Онѣ идутъ, онѣ идутъ, слезно плачутъ,
 Во слезахъ пути дороженьки не видятъ.
 Во рыданьицѣ словечка не промолвятъ.
 Какъ промолвили уланы молодые:
 — Вы не плачьте, наши матушки родныя:
 Не смочить пути-дороженьки слезами,
 Не наполнить синя моря горючими,
 Горючими ли слезами плакучими.» —
 Что не ласточка съ тепла гнѣзда слетаетъ,

Молодой уланъ съ квартиры соѣзжаетъ,
 Не отецъ-мать улана провожаетъ,
 Провожаетъ улана-то дѣвица,
 По названію уланова сестрица,
 Она ѣдетъ, она ѣдетъ, слезно плачетъ,
 Во слезахъ она словечушко промолвить:
 — «Какъ бы мнѣ ли то дѣвицѣ прежняя воля,
 Прежняя волюшка, сизыя крылья,
 Что по крылушкамъ мелкое перо;
 Развернулась бы я дѣвушка, улетѣла,
 Гдѣ завидѣла милова, тутъ бы съѣла,
 Тутъ бы съѣла, да посидѣла.—
 Я завидѣла милова въ синемъ морѣ,
 Въ синемъ морѣ на гарьетѣ,
 На гарьетѣ въ первой ротѣ,
 Въ первой ротѣ въ восьмой сотнѣ.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

6.

(Исковск. губ. и уѣзд.)

Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,
 Изъ-за горъ было горъ высокиихъ
 Выходила-выступала сила армія,
 Сила армія гусаръ Царя Блага,
 Царя Блага-Петра Перваго.
 Напереду идутъ гусары со знаменами,
 Позади идутъ гусары съ барабанами,
 Во второмъ полку бригады уронъ сдѣлаеся:
 Во гусарахъ генераль померъ.
 Бьютъ гусары въ барабаны по заунывному,
 А все указы прочитали по печальному,
 Генеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
 Самаго генерала на головахъ несутъ.
 —Вы несите мое тѣло черезъ три поля,
 Черезъ три поля на синее море

Омойте мое тѣло морскою водою,
 Хороните мое тѣло между трехъ дорогъ:
 Между Кіевскою, Валдайскою, славной Питерскою.
 Вы засыпьте меня желтымъ пескомъ.

(Сообщ. М. П. Семевскимъ.)

7.

(Самарск. губ.)

Выходили, выступали тридцать три полка,
 Тридцать три полка гусарь-солдатъ армии.
 Напередъ идутъ гусары, въ барабаны бьютъ,
 Въ барабаны-то пробили по веселому,
 Всѣ указы прочитали по печальному.
 Пѣсенки то проѣли по унывному.
 Во второмъ полку гусарь уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался—генераль померь...

.....*

Самаго-то генерала на головахъ несутъ.
 Вы несите-ка, гусарушки, черезъ чисто поле,
 Черезъ чисто поле ко синю морю,
 Къ морю синему Хвалынскому.
 Ужь мойте-ка, гусарушки, тѣло бѣлое генеральское
 Исповданное и причащенное,
 Ужь вы дѣлайте, гусарушки, кипарисный гробъ,
 Вы несите-ка, гусарушки, на крутѣ гору на Сіонскую;
 Ужь вы ройте-ка, гусарушки, могилушку,
 Могилушку двухъ аршинную печатную,
 Вы снущайте-ка въ эту могилушку тѣло бѣлое генераль-
 ское;
 Зарывайте-ка, гусарушки, могилушку сырой землей.

(Сообщ. Г. П. Потанинымъ.)

* Тотъ же пропущенъ стихъ:

«Генеральскаго кончѣя въ поводу ведутъ»

8.

(Тулск. губ. и уѣзда. с. Лотовиново.)

Не бѣлая заря займалася

Гусары!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.)

Не красное солнышко выкаталося,
 Тутъ выходила, выступала сила воинская.
 Тридцать три полка Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго,-Петра Перваго.
 Напередъ идутъ, въ барабаны бьютъ.
 Въ барабанушки пробили по веселому,
 Указушки прочитали по печальному:
 Во второмъ полку уроишь сдѣлался,
 Уроишь сдѣлался, генераль померъ,
 Генеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
 Самаго генерала на головахъ несутъ.
 Самое инеральшу шестерней везутъ,
 —Вы везите, мои конечки. черезъ три поля,
 Черезъ три поля, на синее море. —

(Запис. мною въ 1864 годъ отъ дворовой женщины дѣтъ подь 40-кѣ.

9.

(Рязанск. губ. Данковск. у. дер. Красная Слободка.)

Сила войская солдатунки Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго Николая Перваго,
 Напередъ идутъ его солдатушки со знаменами,
 Позади идутъ солдатушки съ барабанами.
 Барабанщици пробили по веселому,
 Указушки прочитали по печальному,
 Во второмъ полку, солдатунки, уроишь сдѣлался,
 Уроишь сдѣлался, генераль померъ.
 Енеральскаго конечка въ новоду ведутъ;
 Самаго-то енерала на головахъ несутъ.
 Съ горяча-то енералушка слово взговорилъ:
 — Вы несите меня, солдатушки, на синее море,

На синее море на Хвалынское,
 Омойте мое тѣло бѣлое морской водой,
 Кладите мое тѣло въ дубовый гробъ,
 Покройте мое тѣло золотой парчей,
 Вы несите мое тѣло на крутыя горы Сіонскія.

(Запис. мною въ 1870 г. отъ крестьянки.)

Опытъ сводки четырехъ послѣднихъ разночтеній.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнова,
 Изъ-за горъ было горъ высокиихъ
 Не бѣлая заря занималася,
 Не красное солнышко выкаталася,
 Выходила, выступала сила войская,
 Тридцать три полка Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
 Напередъ идутъ гусары со знаменами,
 Позади идутъ гусары съ барабанами.
 Въ барабанушки пробили по веселому,
 Указушки прочитали по печальному:
 Во второмъ полку бригады уронъ сдѣлался,
 Во гусарахъ енераль померъ.
 Енеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
 Самаго-то енерала на головахъ несутъ.
 Сгоряча-то енералушка слово взговорилъ:
 Вы несите-ка (солдатушки) мое тѣло черезъ три поля,
 Черезъ три поля ко синю морю,
 Къ морю синему Хвалынскому.
 Ужь вы омойте-ка, гусарушки, тѣло бѣло генеральское,
 Исповданное и причащенное,
 Ужь вы дѣлайте, гусарушки, кинарисный гробъ;
 Вы несите-ка мое тѣло на круту гору Сіонскую,
 Покройте мое тѣло золотой парчей,
 Хороните мое тѣло между трехъ дорогъ,
 Между Кіевской, Валдайской, славной Питерской,
 Вы роите-ка, гусарушки, могилушку,
 Могилушку двухъаршинную печатную,

Вы спускайте въ эту могилушку тѣло бѣло генеральское,
Зарывайте-ка, гусарушки, могилушку сырой землей,
Вы засыпьте мое тѣло желтымъ пескомъ.

(Собиратель.)

Шведскій походъ.

1.

(Саратовск. губ. Хвалынск. у.)

Говорилъ то мнѣ милъ, приказывалъ,*
Я приказу его мало слушала,
Я съ инимъ-то дружкой то повадилась,
Я со прежнимъ разбранилася.—
Разбранивши она стала плакати,
Во слезахъ то дружку слово молвила:
Погляди-ка милъ въ окошечко,—
Во хрустальное стеколышко.
Какъ у насъ на дворѣ не туманъ, туманъ,

* Считаю вполне умѣстнымъ привести здѣсь подходящій сюда варіантъ изъ первой части моего сборника Русскихъ народныхъ пѣсень (Чтенія 1869 г., кн. I, стр. 302)

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ зазнобушки, 2
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки.
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Что дѣтинушка Дворянскій сынъ;
Зазнобя сердце въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ, въ инья земли,
Въ инья земли, въ Турецкія,
Изъ Турецкіихъ въ Шведскія.
Ужь я тутъ съ другомъ прощалася,
Вся Москва-царство сдвиговалася:
Что не братъ съ сестрой прощается,
Что не мужъ съ женой разстается.
А полюбownikъ съ полюбownицей.
(Зап. мною отъ дворовой въ 1864 въ селѣ Лотовиновѣ—
въ 10-ти верстахъ отъ Тулы.)

Не одинъ то туманъ со дождичкомъ:
 На синемъ-то морѣ есть погодушка,
 У молодушки есть зазнобушка.
 Зазнобилъ-то сердце младъ дѣтинушка,
 Зазнобили во походъ пошелъ,
 Что во тоѣ землю во Шведскую,
 Изъ-за Шведской земли во Турецкую,
 Изъ Турецкой земли въ каменну Москву;
 Въ каменной Москвѣ разставалися,
 Ужь и вся Москва сдивовалася:
 Ужь и что это за сходнечки,
 Или братъ съ сестрой, или мужъ съ женой,
 Или красна дѣвка съ молодцомъ.

(Запис. мною.)

Про походъ въ Турцію.

1.

(Московск. губ. Коломна.)

Не черные вороночки въ поле вылетывали,
 Вылетывали ядрушки турецкія
 Къ тому ли предводителю князю Голицыну.
 Тогда князь Голицынъ весьма приужахнулся.
 Закричалъ князь Голицынъ своимъ громкимъ голосомъ:
 — Господа вы генералы, молодые полковники,
 Вы подите, побѣдите силу непріятную. —
 — Господа-генералы все отказалися;
 Только изъ нихъ выбрался Долгоруковъ князь.
 Получилъ онъ себѣ ранушку нелегкую,
 Онъ отъ той отъ раны лежалъ девять дней,
 На десятый денечекъ князь преставился.
 Что встужалася, взгорѣвалася по немъ вся дивизія, —
 — Что не стало у насъ, братцы, вѣрнаго старателя,
 Вѣрнаго старателя, князя Долгорукова. —

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

2.

(Смбирск. губ. Бушск. уѣзда, села Усть-Урень).

Ужь не черныя воропочки въ полѣ зачернѣлись,
 Зачернѣлась въ полѣ пашенька яровая:
 Да не сохами эту пашеньку распахали,
 Не боронами эту пашеньку заборновали,
 Не вхожими сѣменами эту пашеньку засѣвали;
 Распахали эту пашеньку Турецкими лошадьми,
 Заборновали эту пашеньку Нѣмецкими подковами,
 Засѣвали эту пашеньку крестьянскими головами.

3.

(Той же губ. Бушск. у. д. Козловка.)

Ужь не черныя воропочки въ полѣ зачернѣлись,
 Зачернѣлась пашенька въ полѣ яровая;
 Не плугами распахали, не сохами.—
 Распахана же пашенька Турецкими лошадьми,
 Заборонена пашенька Нѣмецкими подковами,
 Засѣяна не вхожими сѣменами,
 А спротскими нашими головами;
 Поливана эта пашенька не росюю,
 А поливана христіанскою кровію.
 Тутъ пель-прошелъ Урзы-Мурзы бѣлобородыи:
 «Богъ помочъ вамъ, старшой, большой державецъ!..»

(Обѣ записаны мною: первая отъ ратника Картавенкова,—
 вторая отъ крестьянина Щербакова.)

Князь Гагаринъ.

1.

(Воронежск. губ.)

Какъ по рѣчкѣ по рѣкѣ
 По Фонтанкѣ, по Невѣ
 Плыли съ мачтой корабли.
 Какъ на каждомъ кораблѣ

По пяти сотъ молодцовъ.
 Сами гребцы гребутъ,
 Весело пѣсни поютъ,
 Разговоры разны говорятъ,
 Все Гагарина бранятъ:
 — Ахъ р.....нъ сынъ, воръ князь Гагаринъ

.....
 Солдатъ съ голоду морилъ;
 Въ сутки по двѣ денежки давалъ,
 И тѣ назадъ отбиралъ.
 Какъ на эвти онъ на деньги
 Построилъ себѣ въ Москвѣ домъ,
 За большимъ мучнымъ рядомъ.
 Всѣ на вырѣзи окошки
 И хрустальный потолокъ.
 Какъ на томъ же потолоку
 Москворѣцкая вода была,
 По фонтану взведена.
 Жива рыба пущена,
 Кровать нова смощена.
 Какъ на этой на кровати
 Самъ Гагаринъ князь лежитъ,
 Таки рѣчи говорить:
 Кабы Богъ меня привелъ
 Во Сибири побывать,
 Я построилъ бы полаты,
 Да не эвтакія,
 А получше бы, почище
 Государева дворца.
 Нешто тѣмъ будетъ похуже,
 Что золотыхъ гербовъ нѣтъ.
 Какъ услышалъ Императоръ
 Онъ похвалушку его,
 Онъ при всемъ ему народъ,
 Пятьдесятъ ударовъ далъ ему кнудомъ,
 А жену его каналью
 На воротахъ разстрѣлялъ,
 А дѣтей его молодыхъ
 Во солдаты записалъ.

(Зап. А. Н. Афанасьевымъ.)

2.

(Тульск. губ. Крапивн. уѣзда с. Даниловки.)

Тутъ и шли-прошли солдаты,
 Все хваленые полки.
 Они хваляютъ-выхваляютъ
 Своего Бѣлаго Царя,
 И ругаютъ и бранятъ
 Все Гагарина съ дѣтьми.
 Какъ Гагаринъ енераль
 Много жалованья съѣдалъ.
 Первое—винное,
 Другое — хлѣбное,
 Третье — денежна казна.
 Онъ на эти на деньги
 Палаты себѣ склалъ.
 По вырѣзу окошки,
 Изъ хрусталя потолоки.
 По этимъ потолокамъ
 Москва рѣчка взведена,
 Бѣла рыба пущена,
 Кровать нова смощена.
 На той ли на кровати
 Самъ Гагаринъ лежалъ.

(Зап. г. Шумилинымъ.)

3.

(Витебск. губ. Лепельск. уѣзда.)

Снизу лодочка плывеетъ,
 За собой много ведетъ,
 Ровно триста кораблей.
 Во-въ тыхъ же корабляхъ
 По полтора ста людей.
 Они гребутъ, пригребаютъ,
 Промежъ себя говорятъ,
 Все Россейщика бранятъ:

Ты Россейщикъ
 За столомъ сидишь одинъ,
 Пропиваешь, проѣдаешь
 Наше жалованье,
 Все ярное, проловое,
 Все денежное.

(Зап. мною въ 1859 г.)

Ладожскій каналъ.

(Тверь.)

По утру-то было рано ранымъ рано,
 На зарь-то было на утренней,
 На восходъ краснова солнышка,
 Что не гуси, братцы, и не лебеди
 Со лузен, озеръ подымался,
 Подымался добры молодцы,
 Добры молодцы, люди вольные,
 Все бурлаки понизовые,
 На канавушку на Ладожскую
 На работу государеву.
 Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодцевъ,
 Отцы, матери, молоды жены
 И со малыми со дѣтками.

(Изъ стариннаго рукописнаго семинарскаго сборника)

Молодой матросъ корабли снастиль.

Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ,
 На Васильевскомъ славномъ островѣ,
 Какъ на пристани корабельня,
 Молодой матросъ корабли снастиль,
 О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,

Тонкихъ бѣлыхъ полотняныхъ.
 Что изъ висока нова терема,
 Изъ косящетова оконечка,
 Изъ хрустальныя изъ оконечки,
 Усмотрѣла тутъ красна дѣвица,
 Красна дѣвица, дочь отецкая,
 Усмотрѣла, вышла на берегъ,
 На Неву рѣку воду черпати;
 Почерпнувъ, ведры поставила,
 Что поставивши слово молвила:
 «Ахъ ты, душечка, молодой матросъ,
 «Ты за чѣмъ рано корабли снастишь,
 «О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 «Тонкихъ, бѣлыхъ полотняныхъ.»
 Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодець,
 Добрый молодець, молодой матросъ:
 — Ахъ ты гой еси красна дѣвица,
 — Красна дѣвица, дочь отецкая,
 — Не своей волей корабли снащу,
 — По указу ли государеву,
 — По приказу адмиральскому.—
 Подняла ведры красна дѣвица,
 Поднявши сама ко двору пошла.
 Изъ-подъ камня-изъ-подъ бѣлова,
 Изъ-подъ кустика ракигова,
 Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
 Что кипитъ сердце молодецкое,
 Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
 Не по братцѣ, не родной сестрѣ,
 Но по душечкѣ красной дѣвушкѣ.
 Перепала ли ему вѣсточка, —
 Красна дѣвица немощна лежитъ,
 Послѣ вѣсточки, скоро гр. мотка,
 Красна дѣвица переставилась.
 Я пойду теперь на конюшій дворъ,
 Я возьму коня что не лучшева,
 Что не лучшева, самодобова;
 Я поѣду ли ко Божьей церкви,
 Привяжу коня къ колоколенкѣ,
 Самъ ударюсь объ сыру землю:

Разступись ты мать сыра земля,
 И раскройся ты гробова доска,
 Развернися ты золота парча,
 Пробудися ты красна дѣвица,
 Ты простишь со мной съ добрымъ молодцемъ,
 Съ добрымъ молодцемъ, съ другомъ милымъ,
 Съ твоимъ вѣрнымъ полюбовникомъ.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

(Пермской губ. Камышл. у.)

Вы не каркайте воробы да надъ яснымъ надъ соколомъ,
 Вы не смѣйтеся люди да надъ удалымъ молодцемъ,
 Надъ удалымъ молодцемъ да надъ Алексѣемъ Петровичемъ.
 Ужь и гусли, вы гуслицы!
 Не выигрывайте гусельцы молодцу на досадушку!
 Какъ было мнѣ, молодцу, пора-времячко хорошее,
 Любилъ меня сударь-батюшка, взлелѣяла родима матушка,
 А теперь да отказалася! Царски роды помѣшались,
 Что ударили во коколоколь, во коколоколь нерадостенъ:
 У плахи бѣлодубовой палачи все испужались,
 По сенату все разбѣжались....
 Одинъ Ванька Игнашенокъ—воръ,
 Не боялся онъ, варваръ, не опесился.
 Онъ стаетъ на запяточки ко глухой да ко повозочкѣ,
 Во хлухой-го во повозочкѣ удалой, доброй молодецъ
 Алексѣй Петровичъ-свѣтъ....
 Безъ креста онъ сидитъ да безъ пояса,
 Голова платкомъ завязана....
 Привезли повозочку на поле да на Куликовое,
 На степь да на Поташкину, ко плахѣ бѣлодубовой...
 Посылаетъ Алексѣй Петровичъ челобитную
 Ко родимому дяюшкѣ ко Микитѣ Романовичу...
 Его дома не случилось, въ терему не находилоя,

Онъ ушелъ да во мыльну во парушу,
 Да помыться, да попариться.
 Приходить челобитьице ко родимому ко дялюшку
 Во мыльну теню банюшку.
 Онъ не помылся, да не попарился,
 Онъ кладеть да на шелковъ вѣничекъ,
 На дубовую на лавочку,
 Кладеть да костромское мыльцо
 На косяцето окошечко.—
 Онъ беретъ да золоты ключи,
 Онъ идетъ да во конюшню бѣлокаменну,
 Онъ имаеть да кони добраго,
 Онъ сѣдаеть да сѣдло черкасское,
 И поскакаль онъ ко плахъ бѣлодубовой,
 Ко любезному племянничку къ Алексѣю да Петровичу,
 Воротиль онъ своего племянника
 Отъ казненія отъ вѣшапя.
 Приѣзжаетъ онъ во свои палаты бѣлокаменные,
 Завель онъ пиръ-гуляньице на-весело....
 А у его-то родимаго батюшки,
 У Петра-то, да у Перваго,
 Въ дому то печаль да кручинушка,
 Призавѣшаны окошечки чернымъ бархатомъ.
 Онъ зоветъ къ себѣ, да требуетъ
 Любезнаго зятюшку да Микиту Романовича:
 — «Что любезный зятюшко, пьешь на радости на веселѣ,
 «А у меня-то тоска да кручинушка!
 «Нѣтъ сына милаго Алексѣя да Петровича.»—
 Отвѣчаетъ Никита Романовичъ:
 — Пью я на веселѣ, на радости,
 — У меня-то въ гостяхъ родимый племянничекъ
 — Алексѣй да Петровичъ....
 Царь-государь весьма этому обрадовался,
 Приказаль онъ свои створчаты окошечки
 Открыть для свѣта для бѣлаго,
 Да призавѣситъ алымъ бархатомъ....

(Пермск. губ. Камышл. у.)

Какъ Васька Брашновъ да со товарищемъ.
 Со Ѳедоромъ да со Бурмакинымъ
 Подавали просьбу-челобитную
 На Сибирскаго разорителя
 На Тобольскаго губернатора
 На вора на Гагарина.
 Приходятъ тѣ челобитчики
 Къ самому-то Царю на имя,
 Ко Петру да ко Первому.
 У параднаго крылечушка
 На часахъ стоитъ да молодой солдатъ,
 Молодой солдатъ да ухо царское,
 Онъ доносить Царю о челобитчикахъ,
 О Васькѣ Брашнѣ да со товарищемъ,
 Со Ѳедоромъ да со Бурмакинымъ.
 Приказалъ ихъ Царь посадить въ земляну тюрьму
 Тутъ они да испужалися,
 Рѣзвы ножки да заподѣбкалися,
 Бѣлы рученьки заопуцалися.
 Посылаетъ Царь да скорыхъ пословъ,
 Курьерчика да не милостива,
 По вора да по Гагарина.
 Приѣзжаетъ тотъ да курьеричекъ
 Ко Гагарину да губернатору.
 А у него-то вора стѣны мраморны,
 Стѣны мраморны, полы узорчаты.
 Подаетъ ему курьеричекъ указы царскіе.
 Принимаетъ тѣ указы самъ Гагаринъ-воръ,
 Подаетъ онъ читать милой дочери,
 Ульянѣ да Матвѣевнѣ.
 Почитай-ка, моя дочушка,
 Да не утай ты слова Царскаго!
 Начала она читать, сама заплакала....
 Охъ, тятинька мой отецъ родной!
 Зоветь тебя Царь да на великъ отвѣтъ.....
 «Не плачь ты моя милая дочь,
 «Возстанетъ за меня благовѣрный Царь,

«Возстанеть за меня государыня,
 «Возстанеть Синодь праведный....»
 Привозять Гагарина ко Царю на имя.
 Возстають за Гагарина всѣ заступнички, замольшнички.
 Милый внучекъ Царя благовѣрнаго
 Ходить по середѣ, въ слезахъ очи ясныя....
 «За вора-то за Гагарина
 «Есть заступнички, есть замольшнички,
 «А за моего-то милаго батюшка
 «За Алексѣя-то да за Петровича,
 «Не было ни какого заступничка....»
 А на это Царь да возгнѣвался, —
 Внучка пожалѣлъ,—велѣлъ Гагарину
 Положить на плаху голову.

(Объ зап. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Геогр. Общества А. Я.)
 Кокосовымъ, сообщ. же Л. Н. Майковымъ.)

Погребеніе императора Петра II.

(Хотя въ пѣснѣ этой и упоминается имя Императора Павла, но указанная въ пѣснѣ время кончины — зима, и мѣсто этого событія—Москва—заставляютъ думать, что пѣсня сложена была на смерть Петра II, а въ послѣдствіи имя Петра Алексѣевича замѣнено именемъ Павла Петровича.)

(Казанской губерніи.)

Со вечера порошица мелкая порошила,
 Ко полуночи бѣлые снѣжки выпадали,
 Ко бѣлой зарѣ дорожинька торная пролегала.
 И знать-то у насъ въ каменной Москвѣ не здорово:
 Бѣлокаменны царскія палатушки стоятъ растворены,
 Призакрыты всѣ его красныя окошечки черною фатою,
 И што знать-то у насъ Царя Бѣлова въ живи нѣту.

Переставился нашъ батюшко, Бѣль Царь, Бѣль Павель Петровиць.

Построили ему Царю Бѣлому труну золотую,
 Во труну то стелють материцы, стелють дорогія,
 Тутъ кладуть-то Царя Бѣлова, кладуть во гробницу,
 Тутъ несутъ-то, несутъ Царя Бѣлова, несутъ хоронити.
 Напередъ-то идутъ Царя Бѣлова, идутъ архиреи,
 И несутъ-то Царя Бѣлова скипетръ и державу;
 По правую руку идутъ сенаторы,
 По лѣвую руку идетъ царская персона,
 Позади-то идутъ Царя Бѣлова все полки, солдаты,
 И сами они солдатушки слезно плачуть:
 Не стало у насъ въ Егропѣ * Царя Бѣлова.

(Запис. А. Г. Пунаревымъ въ 1860 г.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Война Шведская.

1.

Пишетъ, пишетъ король Шведскій государынѣ письмо:
 «Ты Россійская государыня, помирися ты со мной,
 «Помирися ты со мной, съ Шведскимъ королемъ.
 «Ты отдай мнѣ города, отдай прежніе мои,
 «Отдай Питерьъ, отдай Ригу, отдай славный Коронштатъ.
 «А не отдашь мнѣ эти городочки—не прогнѣвайся на меня,
 «Я и самъ на тебя пойду, въ каменну Москву взойду.
 «Расниши въ Москвѣ фатеры по всеѣмъ разнымъ мѣстамъ,
 «Моимъ милымъ начальникамъ — по господскимъ домамъ,
 «Моимъ милымъ солдатушкамъ — по купеческимъ домамъ.»
 Наша матушка государыня испугалася,
 Ея рѣзвы-скоры ноженки подломилася,
 Ея бѣлыя рученьки опустилися.

* На требованіе разъяснить, что такое Егрона, мы получили въ отвѣтъ, что такъ Россія называется.

«Ты не бойся, ты не бойся, матушка государыня!
 «У насъ есть чѣмъ его встрѣтити, есть чѣмъ подчивати:
 «Есть у насъ сухари — они въ Тулѣ крошены,
 «Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высушены»

Собщ. А. Н. Островскимъ.

2.

(Казанской губ. дер. Черкасово близъ Царевкокшайска.)

Пишоть, пишоть король светской къ осударынѣ въ сеноть,
 Онъ на вербовой бумаги лебединовымъ перомъ:
 «Ты, русейска осударыня, замирилась бы со мной,
 Отдай Питерь, отдай Ригу, отдай славень городъ Корноштатъ:
 Не отдашь ты эти города, не прогнѣвайся на меня,
 И што самъ я, король светской, всю Русеюшку насквозь пройду,
 Всю Русеюшку пройду, въ каменну Москву зайду.
 Вотъ я въ Астрахань взойду позавтракать, а въ Москву — по
 объдаты,
 Въ Москву пообъдаты, въ Питенбурхѣ буду ночевать.
 Я разставлю свою армію по трактирамъ только, кабакамъ,
 Ужь я членшичковъ, барабаншичковъ по осподскимъ только по
 домамъ;
 Ужь я встану, король светской, въ Шелеметьевскомъ только во
 дому.»

И што наша осударыня задрожжала на ногахъ,
 Бѣлотѣльные же, бѣлыя ноженки задрожали подъ ей,
 Бѣлотѣльные же ее, бѣлы ручиньки опустились внизъ по ей,
 А буйная жо ее головушка долой катится съ ее.
 Енераль Шелеметьевъ ей на думу приходилъ:
 — «Не убойся осударыня, не убойся ты враговъ.
 «Если будутъ къ намъ гости, будемъ подчивать гостей.
 «Испечены пироги, чернымъ лакомъ чинены,
 «Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ — высушены.
 «Есть у насъ закусочка—у солдатовъ на штыкѣ,
 «Есть у насъ похлебочка—у солдатовъ на бедрѣ.»

(Записана А. Г. Пунаревымъ въ 1860 г.)

Взятіе Хотина

(Тверь.)

Ахъ, мы Польшею идемъ,
 Сами пѣсенъки поемъ;
 Подходили подъ Хотинъ,
 Промежъ собой говоримъ:
 — «Ужъ ты городъ нашъ Хотинъ!
 «Мы стоять въ тебѣ хотимъ.»
 Цѣлой мѣсяцъ простояли,
 Все приказу ожидали.
 Какъ до вечера за часъ
 Отдавали намъ приказъ;
 Прозоровскою генераль
 По корпусу разъезжалъ.
 Какъ ясенъ соколъ
 Всѣмъ приказъ отдавалъ:
 — «Ахъ, вы егери, стрѣльцы!
 «Бомбардиры молодцы!
 «Вы стрѣляйте, не робейте,
 «Пуль, пороху не жалейте?»
 Ужъ какъ начали стрѣлять —
 Турки прочь отъ насъ бѣжать;
 Бомбардиры осерчали,
 Всѣ въ погоню побѣжали;
 Гдѣ одинъ солдатъ бѣжить —
 Тутъ пять-шесть Турокъ лежитъ.
 А гдѣ корпусъ то бѣжить —
 Тутъ какъ мостъ Турокъ лежитъ;
 Турки гласно закричали,
 Отъ Хотина прочь бѣжали.
 — Оставайся нашъ Хотинъ,
 Мы стоять въ тебѣ не станемъ,
 Какъ пришла на умъ Москва —
 Одолѣла насъ тоска. —

Война Прусская.

(Новгородск. губ. Валдайскаго уѣзда.)

Ты любовь наша любовь,
Любовь дѣвушкаина,
Ты когда наша любовь,
Побываешь у меня.
Развѣ въ тѣ поры молодчикъ
И побуду у тебя,
Когда выростеть трава
Средь широкаго двора,
Поразольется вода
Съ крутымъ бережкомъ ровна,
Воспльветъ горючь камень
По верху по воды. —
Вы бояры-господа
Посидите у меня, —
Споемъ пѣсню про себя,
Хоть не сами про себя —
А про Прускаго короля.
У Прускаго короля
Чужа сила не своя,
Уворованная, невоеванная.
Собиралися солдаты
На зелененькѣй лужецъ.
Они бились и рубились
Тутъ четырнадцать часовъ,
А на пятнадцатомъ часочку
Мертвыхъ стали разбирать,
По камзоламъ узнавать,
Какъ нашли нашихъ убитыхъ
Генераловъ до пяти,
Полковниковъ до семи
Гренадеровъ до десяти. —

(Зап. мною отъ 74 лѣтн. старухи крестьянки Арины.)

Лопухинъ.

1.

(Рязанск. губ. и уѣзда, с. Жалчино).

У Пруцкаго короля
 Чужа сила не своя,
 А все Бѣлаго Царя
 Завоеванная, заповоненная.
 При долинь, при лужку,
 Стоитъ армія въ кружку.
 Лопухинъ гулялъ въ полку,
 Курилъ трубку табаку.
 Для того-то онъ курилъ,
 Чтобы пьяному быть,
 Посмѣлье подступить,
 Посмѣлье, поскорѣе
 Чисто поле полевать,
 Съ поляками воевать.
 Ужь мы били, мы рубили
 Мы четырнадцать часовъ,
 На пятнадцатомъ часу
 Стали силу разбирать,
 Всю армію смекать.
 Мы смекнули, домекнули,
 Оглянулись назадъ:
 Лопухинъ лежитъ, убитъ,
 На ноженькахъ не стоитъ.

(Зап. И. А. Худяковымъ.)

2.

(Самарской губ.)

Ты разлука, ты разлука,
 Разлучила ты разлука
 Со отцомъ матерью;

Меня еще разлучила
Со милымъ дружкоймъ.
Вы кусты-ль мои кусточки,
Вы ракитовы кусты,
Вы скажите-ка кусточки
Всеё правду про дружка;
Гдѣ-жь мой миленькій гуляетъ,
Гдѣ надежда пребываетъ.
Мой миленькій гуляетъ,
Во матушкѣ во Москвѣ, 2.
Со французомъ на войнѣ.
Милый письмецы не пишетъ,
И поклоны мнѣ не шлетъ,
Онъ меня къ себѣ желаетъ.
Онъ по городу гуляетъ, 2.
Коней пару нанимаетъ,
Колясычку запрягаетъ.
На ту пору, подъ тотъ часъ
Несчастье случилось:
Баталицо сдѣлалось.
Ужь мы билися, рубилися
Пятнадцать часовъ,
Ужь въ шестнадцатомъ часу
Мирова у нихъ пошла,
Стали тѣла разбирать.
Нашли нашихъ убитыхъ
Ровно двѣсти человекъ.
Еще пошли, отыскали:
Лопухинъ лежитъ убитъ,
Душа въ тѣлѣ говоритъ:
Вы подайте ребята
Чернилницу съ перомъ,
Еще ребята вы подайте
Листъ бумаги гербовой,—
Нанишу я къ государю
Всеё правду про себя.

(Зап. ученикомъ уѣзднаго училища.)
(Сообщ. А. Н. Потанинымъ.)

3.

Соловейко маленькой,
 Соловей молоденькой
 Ты куда, куда летишь? 2
 Куда Богъ тебя несетъ? 2
 Я лечу, лечу, лечу 2.
 Во ракитовы кусты.
 Кабы кустичекъ немилъ, 2.
 Соловей гнѣздо не виль,
 Кабы дѣвка не мила 2.
 Парень не взялъ за себя,
 Цѣловаль бы, любоваль, 2.
 Колечикомъ дароваль
 Серебряно колечушко;
 Больно болить сердечушко 2.
 Золотой-отъ перстенекъ,
 Сушилъ дѣвку паренекъ,
 Еще на лугу-лугу 2.
 Стоить армія въ кругу,
 Лопухинъ ходилъ въ кругу, 2.
 Лопухинъ ходилъ въ кругу,
 Курилъ трубку табаку. 2.
 Дѣвченушка съ комара
 Во солдатской кругъ зашла,
 Всѣмъ пазовушку дала.

(Новгородск. губ. Кирил. у.)

Что не пылъ въ полѣ пылить,
 Не дубровушка шумить —
 Сила арміи валить.
 Она валить-таки валить
 Все приваливаетъ 2. ¹

¹ Подваливаетъ.

Да выговариваетъ:
 Хороши наши ребята ²
 Удалые молодцы, 2.
 Наши во полку сгрѣльцы:
 Они рубятъ и сѣкутъ,
 Со жива ³ кожу деруть,
 Себѣ ранцы пьютъ.
 Себѣ ранцы пенюшили,
 Во походъ скоро пошли 2.
 Во пныя во земли,
 Во пныя, во такія во Турецкія,
 Изъ Турецкой земли во Швецкую,
 Изъ Швецкой же во Нѣмецкую,
 Изъ Нѣмецкой во Французскую,
 Изъ Французской въ землю Прусскую. ⁴
 Какъ у Прусскаго короля
 Чужа сила не своя,
 Полоненая моя,
 Завоеванная.
 Мы и сѣкли и рубили
 День одиннадцать часовъ, ⁵
 На двѣнадцатый часъ
 Стали тѣла разбирать.
 Свою армію считать.
 Какъ нашли такихъ тѣловъ
 Генераличковъ трехъ,
 Полковниковъ до пяти,
 Офицеровъ до девяти,
 Кавалеровъ до десяти.
 Чуть застали душу въ тѣлѣ —
 Лопухинъ лежитъ убитъ, 2.

² Какъ армейцы то ребята

³ Со живыхъ.

⁴ Изъ Французской въ землю Русскую

Какъ у Русскаго Царя

Своя сила, не чужа

Полоненая была.

⁵ Они бились и рубились

До одиннадцати часовъ.

Едва рѣчи говоритъ:
 Вы подайте листъ бумаги,
 Чернильницу со перомъ.
 Напишу я эту просьбу *
 Государынѣ въ Синодъ, ** 2.
 Марья Ѳеодоровна.
 — «Эта сила Блага Царя.»

.... нашъ
 По арміи разѣзжалъ,
 Пушки-ружья снаряжалъ.
 Пушки-ружья мѣдныя,
 Шонпура желѣзныя.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Король Прусскій.

1.

(Сямбпск. губ. Корсунск. уѣзда.)

Не кручинушка меня молодца сокрушила;
 Сокрушила меня молодца красна дѣвонька,
 Прежня бывшая моя сударушка.
 Провожала она меня до сыраго бору,
 Все наказывала она мнѣ тайное словечко:
 — «Ты поѣдешь, мой любезный другъ, сырымъ боромъ,
 «Не услышишь-ли, мой милый другъ, вольную пташку,
 «Вольную пташку, горькую кукушку?»
 Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушка,
 Не кукуй во сыромъ борочкѣ!
 Не давай-ка намъ, кукушенька, тоски на-золы,
 Безъ того намъ солдатушкамъ больно-тошно:
 (Учба и стрѣльба намъ скоро не дается.)

* Напишу это письмо.

Къ Государынѣ въ село,

** т. е. въ Сенатъ.

Какъ загиналъ-то насъ Пруцкѣй король во иную землю,
 И не шлетъ Пруцкѣй король пищи никакой;
 Хоть и шлетъ Пруцкѣй король,—къ намъ пища не доходитъ;
 А прислалъ-то къ намъ Пруцкѣй король вѣсточку,
 Бѣлую грамотку за черною печатью:
 Какъ пришла-то къ намъ молодцамъ мука-то кулевая,
 А мука-то добрымъ молодцамъ очень надокучала.

(Зап. отъ крест. Кузмы Ослова).

2.

(Симбирск. губ. Кореунск. уѣзд. с. Усть-Урень).

Разбесчастненькій, безталаненькій король Прусскій,
 На добрымъ конѣ въ глухую полночь разѣзжаетъ,
 Въ глухую полночь къ ему курьерушка прибѣгаетъ;
 А не радостныя газетушки подаваетъ.
 Что разбилъ-то, разбилъ воръ Французикъ,
 И побилъ, погубилъ всю армеюшку,
 Во полонъ-то онъ взялъ думчинъ сенаторовъ,
 И еще-то взялъ роднаго племянничка...
 И думаетъ онъ со своимъ думчимъ сенаторомъ,—
 А его силушка ростомъ не величка,
 Ростомъ не величка, во плечахъ плечиста.
 У нихъ у злодѣевъ волосы накладные,
 Волосы накладные, а бороды съдыя,
 А глаза сѣрые большіе.

(Зап. мною отъ ратника Н. Картавенкова)

3.

(Самарск. губ.)

Разнесчастный, безталанный король Прусской уродился.
 Ничего-то нашъ королюшко не знаетъ,
 Только знаетъ король:—ушла его армеюшка воевати;
 Воевать-то ушла подъ вора Француза.

Побилъ, порубилъ воръ-Французикъ
 Всѣе силу войскую;
 Во полонъ онъ взялъ двухъ сенаторовъ,
 Третьяго взялъ козака Донскаго,
 Взялъ племянничка роднаго.
 Мнѣ не жаль боролонку силу войскую,
 И не жаль двоихъ сенаторовъ,
 И третьяго козака Донскаго,
 Мнѣ только жаль племянника роднаго.
 Соберу я силу войскую,
 И пойду подъ вора-Француза.

(Зап. П. Акугинымъ. Сообщ. М. П. Семевскимъ.)

Генераль Краснощекоевъ.

1.

(Московск. губ. Коломна)

Что не пыль въ полъ пылить,
 Пруская армія валить,
 Никуда конца не видно.
 Пруской силы смѣты нѣтъ,
 Напередъ идетъ Вензеръ
 На своемъ храбромъ конѣ.
 Какъ поближе подходилъ,
 Генераламъ пригрозилъ:
 «Ужь я и васъ генералушки
 Въ ногахъ всехъ потопчу 2.
 Въ каменну Москву взонду?»
 Какъ и генералы говорили
 На отвѣтъ слово ему:
 —«Не бывать тебѣ злодѣю
 Въ каменной славной Москвѣ,
 Не видать тебѣ собакъ
 Золотыхъ славныхъ гербовъ.
 Какъ Вензеръ началъ палить,
 Только дымъ столбомъ валить.

Каково есть красно солнышко,
 Не видно во дьму.
 Что не ясенъ соколъ леталъ,
 Красноцекоевъ разъѣзжалъ
 Онъ ѣздилъ по горѣ
 На своемъ добромъ конѣ.
 Онъ пріѣхалъ, присекалъ
 Ко Донскимъ казакамъ,
 Имъ словечко онъ сказалъ:
 «Ужь вы братцы молодцы,
 «Вы Донскіе казаки!
 «Вы безъ мѣрушки пейте зелена вина,
 «Вы безъ счета берите государевой казны,
 «Только скрадите у Вензера
 «Его крѣпкой карауль.»
 —«Не велика эта страсть
 Караулы его красть.»
 —Они ноченьку не спали,
 Караулы Вензеровы скрали.—

(Сообщ. А. Н. Островскимъ)

2.

(Сямбирск. губ. с. Усть-Урень.)

Не бѣлая берёзенька къ землѣ клонится,
 Не шелкова травенька по чисту полю разстилается:
 По чисту полю разстилается польнь горькая.
 Горька ты, полынушка, изъ всей травы:
 Еще горчѣй-тошнѣй того служба царская,
 Служба царская, нужна крайняя.
 И ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
 Темная ночь настанетъ, мы на часахъ стоимъ,
 Какъ бѣлый день настанетъ,—во строю стоимъ,
 Во строю стоимъ, по ружью держимъ.
 И стояли мы, солдатушки, трое сутокки,
 Не пиваючи и не ѣдаючи.
 И ходить же душа енералушка по армеюшкѣ,

Закупаеть енералушка свинцу съ порохомъ,
 И заряжаетъ енералушка сорокъ пушечекъ,
 Пробиваетъ енералушка стѣну каменную,
 И убиваетъ енералушка жену офицерскую,
 Молодыхъ-то ребятъ во полонъ беретъ.

(Зап. мною отъ стараго сѣнца Полякова)

3.

Какъ не бѣлая березынька къ землѣ клонилась,
 Не шелковая ковыль-травынька разстилалась,
 Какъ растужится, распачется самъ Пруцкой король,
 Сидючи король на украсушкѣ, на крутой горѣ,
 Гляючи король на укрѣпушку, на Берлинъ городъ:
 — «Ты укрѣпа моя, укрѣпушка Берлинъ городъ!
 «Ты кому моя укрѣпушка достанешься?
 «Доставалась моя укрѣпушка Царю Бѣлому,
 «Царю Бѣлому, генералушкѣ Красноцекову.»
 Какъ беретъ-ли генералушка Берлинъ городъ,
 Забираетъ въ плѣнъ королевишну,
 Королевишну съ малымъ дѣтушкамъ;
 Ужъ какъ сталъ генералушка разспрашивать:
 — «Ты скажи, скажи, королевишна, гдѣ Пруцкой король?»
 — «Я кричала ему—вы не слышали,
 «Я махала ему—вы не видѣли».

(Сообщ. Д. Е. Молчановымъ).

4.

(Тульск. губ. Крап. у.)

Что ни бѣлая береза къ землѣ клонится,
 Ни шелковая во поли травушка застигается,
 Разстилалась, сувивалася полынъ травушка,
 Что горька, горька полынъ гравушка,
 Горчей въ поли нѣтъ,
 Что тяжка, тяжка служба царская,

Тягчей въ свѣтъ нѣтъ.

Собирался нашъ Пруцкой король
 Съ своей арміей на круту гору,
 Становился нашъ Пруцкой король подъ дубровою,
 Подъ дубровою зеленою подъ високою,
 Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ въ свою сторону.
 — Сторона-ль ты моя, сторонушка, Берлинъ городъ,
 Ты укрѣпа ль моя, укрѣпушка,
 Ты укрѣпа моя крѣпкая;
 Ты кому-жь моя укрѣпушка достанешься?
 Доставалась моя укрѣпушка Царю Бѣлому,
 Царю Бѣлому, енаралу Краснощекому. —
 Краснощекой енаралъ, онъ догадивъ былъ,
 Онъ ходилъ-гулялъ съ кунцомъ по торгу;
 Закупалъ нашъ енаралушка сорокъ семь пушекъ,
 Разбивалъ нашъ енаралъ стѣны каменны,
 Черезъ рѣчку, черезъ быструю мосты вымостилъ,
 Молодую корожеву во полонъ брали.

(Зап. г. Шумилинымъ.)

5.

(Тульск. губ. и уѣзда, село Байдаки.)

Не бѣлая березушка къ земль клонится,
 Не широкая ковыль-травушка по лугу разстилается,
 По лугамъ-то лугамъ наша армія разбирается.
 Вотъ и ходя Пруцкой король на сине море,
 Становится Пруцкой король на крутой бережокъ,
 Онъ глядитъ-то, смотреть на всѣ стороны.
 Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка Блеиль городъ!
 Кому-тъ моя укрѣпушка достанешься?
 Доставалась укрѣпушка Царю Бѣлому,
 Царю Бѣлому, енаралу Краснощекому.
 И ходитъ енаралушка съ кунцомъ по торгу,
 Покупаетъ енаралушка свинцу-пороху,
 Заряжаетъ енаралушка сорокъ семь пушекъ,
 И стрѣляетъ енаралушка въ каменну стѣну.

(Записан. Н. Ѳ. Соловьевымъ.)

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.

(Саратовск. губ. Хвалыиск. у. с. Безобразовка)

Звѣзда-ль наша восхожая
 Высоко больно восходила,
 Выше ельничку, березничку
 И частаго осиничку,
 И просвѣтила ты землю Прусскую,
 Землю Прусскую, государскую
 И темницу королевскую.
 Во темницѣ былъ невольничекъ 2.
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 По темницѣ онъ похаживаетъ,
 Во злату скрипку поигрываетъ,
 Про худой свой таланъ рассказываетъ:
 — Худой таланъ, участь горькая моя
 На роду видно написана,
 Написана, напечатывана, —
 Довелось мнѣ къ Хану ѣхати,
 Къ тому Хану мнѣ ко Прусскому.
 Ужь охъ ты есь Россійскій графъ,
 По прозванью Потемкинъ князь,
 Служи ты мнѣ службишку,
 Какъ служилъ ты своему царю,
 Служи ты мнѣ вѣрой-правдою,
 Вѣрой-правдою, безъ измѣнушки.
 — Ужь охъ ты есь Ханъ Пруцкой,
 Ханъ Пруцкой изъ большихъ,
 Прикажи мнѣ слово молвити!
 Какъ я служилъ своему царю,
 У меня былъ вороной-отъ конь,
 И было сѣделище черкасское;
 На конечкѣ была сбруя ратная,
 Со мною была сабля вострая.
 Схватилъ бы я эту саблю вострую
 И срубилъ бы я Хану голову. —
 Не на толь нашъ Ханъ огнѣвался,
 И схватилъ съ крюку саблю вострую
 Хотѣлъ срубить графу голову.

«Ужь ты охъ еси Пруцкой Хань!
 «Не бей меня скорой смертью,
 «Ты сдѣлай рельница крашененькя,
 «Повѣсь петельки шелковенькя,
 «Повѣсь меня добраго молодца
 «Славою доброю хорошею.»
 — «Ужь ты охъ еси Россійскій графъ!
 Мнѣ жалко бить тебя скорой смертью.
 Ты бери злата-серебра твоего,
 Бери силы велии моеи,
 Живи какъ тебѣ хочется.»
 «— Ужь ты охъ еси Пруцкой Хань!
 «Не ведите время у молодца!
 «Мнѣ не надо злата-серебра твоего,
 «Не надо силы велии твоеи.
 «Не пойду я въ вѣру Пруцкую
 «Въ вѣру Пруцкую, бусурманскую.»
 Не на толь наняъ Хань огнѣвался.
 И сдѣлалъ рельница крашененькя.
 И вѣшалъ петельки шелковенькя.
 Подводилъ онъ добраго молодца. —
 И какъ онъ во первую ступень ступалъ
 И въ подзорную трубу струбилъ. —
 Казаки съ Дону подымались;
 Какъ въ другую ступень ступилъ,
 Въ подзорную трубу струбилъ, —
 Казаки ближе подвигались:
 Какъ во третью ступень ступилъ,
 Въ подзорную трубу струбилъ —
 Казаки вилоть подѣхали.
 Оглянулся Ханъ Пруцкой, оглянулся назадъ —
 И вскрикнулъ: что тамъ за туча идетъ?
 — Это не мои ли ясны голуби летятъ?
 Оглянулся Ханъ Пруцкой на правое крыло —
 Мои голуби всю твою бѣлу Турку склевали.
 Онъ оглянулся кругомъ — только самъ семь остается.
 Усѣлъ сѣсть на дружка ускакать.
 Его гнали, догоняли, вилоть до Парижа провожали.
 Тамъ съ нимъ миръ сдѣлали.

Въ Парижѣ весь народъ русскій,
А начальничекъ французскій
Отрекся отъ царя, выдавалъ хлѣбъ—соль.

(Зап. мною въ 1872 г. отъ крестьянина Федора Семенова
Вдовина.)

2.

(Самарск. губ.)

Какъ у Пруса во зеленомъ саду,
Тамъ стояла темна-темница,
Заклученая затюремница,
Какъ во этой темной темницѣ,
Заклученой затюремницѣ,
Тамъ посаженъ добрый молодець,
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ не годъ сидѣлъ и не два года...
Онъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Отростилъ свою бородушку
До шелкова своя пояса,
Отростилъ свои русы кудри
До своихъ плечъ могучихъ.
Онъ по темницѣ похаживаетъ;
Онъ во скрипочку поигрываетъ,
Ко той скрипкѣ приговариваетъ:
Ты таланъ-ли, мой таланъ;
Таланъ-участь горькая;
На роду-ли мнѣ написано,
Аль по жребію досталось—
Во темной сидѣть темницѣ,
Въ заклученной затюремницѣ. —
Мимо той темницы
Случилось князю Бхати:
«Ужь ты батюшко Прусской король,
«Прикажи-ка меня выпустить,
«Прикажи-ка меня поить-кормить.

3.

(Симбирск. губ. с. Усть-Урень)

Ходилъ то я, добрый молодець, по чисту полю:
 Мягкая постелюшка— желтой песокъ,
 Изголовница моя — шелкова трава.
 Какъ во селѣ было во Лысковѣ,
 Тутъ построена крѣпкая темница;
 Какъ во той во крѣпкой темницѣ
 Посажень добрый молодець,
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по темницѣ похаживаетъ,
 Самъ слезно плачетъ, Богу молится:
 «Ты взмой, взмой туча грозная,
 «Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы!
 «Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,
 «Невольнички, неохотнички!»
 Все невольнички разбѣжались,
 Во темномъ лѣсу они собиралися,
 Соходилися они на полянушку,
 На полянушку на широкую.
 «Ты взойди, взойди, красное солнышко,
 «Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодець,
 «Добрыхъ молодець, сиротъ бѣдныхъхъ,
 «Сиротъ бѣдныхъхъ безпашпортныхъхъ!»
 Ниже города, ниже Нижняго,
 Протекала тутъ рѣчка быстрая,
 По прозванью рѣчка Волга матушка:
 Течеть Волга матушка
 Съ дикимъ-мелкимъ камушкомъ.
 Какъ по рѣчкѣ плыветъ легка лодочка:
 Эта лодочка изукрашенная,
 Вся молодчиками изусаженная...

(Зап. мною отъ Н. Картавенкова)

ПѢсня на смерть Императора Петра Ѳеодоровича.

(Казанск. губ.)

На зарѣ-то было на утренней,
 На восходѣ краснова солнышку.
 На закатѣ свѣтлова мѣсяцу.
 Не золотая трубочка вострубила.
 Не серебряная синавочка возыграла,
 Не бѣленькая лебедушка восплакнула.
 Восплакнула царица надъ гробницею.
 Стоючи-то, она, надъ гробницею сыродубою:
 «Ты раскройся-ка гробница сыродубая,
 Распахнись-ка камоточка мелкоотравчатая,
 Ты встань-ка, ты встань, пань батюшко православной
 Царь,
 Промолви-ка со мною словечушко хоть единое,
 Обрадуй-то мое сердечушко ретивое,
 Отъ чего тебѣ скорая смѣртонька солучилася?»

(Зап. А. Г. Пунаревымъ въ 1860 г.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Графъ Румянцовъ.

1.

(Ростовск. уѣзд. с. Суцево.)

Мы вечеръ въ торгу торговали,
 Свинцу-пороху закупали.
 Въ мѣдны пушечки заряжали,
 Въ каменну стѣну стрѣляли,
 Стѣны каменной не разбили,
 Красну дѣвцу полонили,
 Да къ Румянцову отводили.

Графъ Румянцовъ взрадовался
Красотѣ ея дивовался:
Хороша дѣвушка, румяна,
По нѣмецкому изубрана.
На ней юбочка голубая,
Душегрѣбечка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая
До шелкова поясочку,
До нѣмецкаго до чулочку.
Графъ Румянцовъ говорилъ ей,
Графъ Румянцовъ вопрошалъ ей:
—«Ты скажи-скажи, дѣвка нѣмка,
«Про свою силу про нѣмецку.
«И поди ты въ Россію замужъ,
«За моего сына Ивана,
«За російскаго генерала.»
Дѣвка нѣмка отвѣчала,
Напрямикъ ему сказала:
—«Не скажу я про нашу силу,
«И неиду я въ Россію замужъ,
«За твоего сына за Ивана,
«За російскаго генерала.»
Графъ Румянцовъ разсердился,
До безмилости распалился,
Востру саблю обнажаетъ,
Красну дѣвицу страцаетъ.
Красна дѣвка пенугалась
И во всемъ ему созналась:
—«Нашей силушки немного,
«И иду въ Россію замужъ,
«За твоего сына за Ивана,
«За російскаго генерала.»

(Зап. крест. Сущевскимъ. Сообщ. Вадимъ Лѣствицынъ)

2.

(Пермск. губ. Камышлов. уѣзда.)

Что никто братцы то не знаетъ, да не вѣдаетъ,
 Что куда наша Государыня собирается,
 Собирается, да снаряжается.
 Екатерина то да Алексѣевна?
 Надѣваетъ-то она на себя платье черное.
 Платье черное, печальное,
 И ко Христовской она собирается ко заутренѣ,
 Ко заутренѣ да къ ранней утренѣ.
 По правой по рученьку сидитъ графъ Суворовъ енераль,
 По лѣву по рученьку сидитъ Потемкинъ енераль.
 — «Что же ты, наша Государыня, занечалилась! —
 — «Ахъ глухие вы бояре, неразумные.
 У насъ не стало правителя въ каменной Москвѣ,
 Славна война Румянцова,
 Полонилъ его собака воръ Прусскій король.
 Не одного его полонилъ, съ цѣлою арміей,
 Связали-то Румянцову ножки рѣзвья,
 Сковали-то у Румянцова ручки бѣлья,
 Призавѣсили очи ясныя тафтой чернотравчатой.
 И набѣжали на него два татарина,
 Два могуче, два богатыря:
 И поди-ка ты въ нашу вѣрушку!
 — Ой вы гой еси два татарина,
 Два могучіе богатыря!
 Кабы нескованы у меня были ножки рѣзвья,
 Не связаны бы руки бѣлья,
 Не завѣшаны были-бы очи ясныя,
 Кабы была у меня въ рукахъ остра сабелька,
 Снесъ бы я вамъ, собакамъ, съ плечь головушки.» —

((Зап. Членомъ-сотрудн. Русскаго Геогр. общ. А. Я. Кокосовымъ))

Емельянъ Пугачъ.

1

(Саратовск. губ. Сердобск. уѣзда.)

Какъ во славномъ городѣ Астраханѣ
 Проявился добрый молодець,

Добрый молодець Емельянъ Пугачъ.
 Обряженный онъ во кафтанчикъ сто рублей,
 Шерфарочекъ на немъ въ пятьдесятъ рублей,
 Шапочку на бекрень держить,
 Во правой-ли рукѣ тросточка серебряная,
 На тросточкѣ лента букетовая, —
 Хорошо онъ по городу погуливаетъ,
 А тросточкой упирается,
 Ленточкой похваляется,
 Со князьями-со боярами онъ кланяется,
 Къ Астраханскому жъ губернатору и подъ-ладъ нейдетъ.
 Астраханскій губернаторъ призадумался.
 Онъ увидалъ его изъ хрустальнаго стекла,
 И посылаетъ за нимъ слугъ вѣрныхъ
 Допросить его словеснымъ допросомъ.
 Нагоняли его слуги вѣрные,
 Допрашивали его словеснымъ допросомъ:
 Какого ты рода, племени?
 Царь ли ты или царскій сынъ!
 А онъ имъ на то молвилъ:
 Я не царь и не царскій сынокъ,
 А родомъ я Емеля Пугачъ,
 Много я вѣшалъ господъ и князей,
 По Россіи вѣшалъ я неправедныхъ судей.

(Зап. въ 1864 г. В. А. Мясоѣдовой отъ старухи, которая помнитъ ее отъ своей матери.)

Воръ Пугачовъ.

2.

(Тверск. губ.)

Какъ во мѣсяцѣ было во Мартѣ
 Въ двадцатомъ числѣ,
 Распоряжалъ воръ-отъ Пугачеевъ,
 Распоряжалъ свою альтарелью:

«Ужь вы стойте ребятаушки,
 «Ужь стойте, не робѣйте!
 «Разобьемъ мы этотъ новый корпусъ,
 «Новый корпусъ Голицына князя,
 «Мы Московскую эту губерню
 Сдѣлаемъ границей.»
 «Ужь полно тебѣ, полно Пугачовъ —
 Съ Москвой воевати.
 Разобьютъ Московскія войска,
 Рассказнятъ тебя вора Пугачова
 На славномъ болотѣ;
 Развезутъ тебя вора Пугачова
 По разнымъ заставамъ.
 Какъ во первую—во Тверскую,
 Во другую—во Ямскую,
 А во третью-то Рогожеку.
 Не успѣлъ онъ воръ-собака
 Приказу отдать, —
 Приказъ отдалъ князь Голицынъ:
 Изъ пушекъ палити.
 Какъ изъ пушекъ наши зацалили,
 Земля задрожала,
 Не могли они воры стояти,
 Бѣжали въ сакманы;
 Тамъ гусары наши воевали,
 Въ полонъ забирали,
 Головушекъ они много
 Долой снимали.

(Зап. свящ. А. С.)

Генералъ Пугачъ.

3.

(Симб. губ. Корс. уѣзд. село Александрово.)

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
 Про тебя Ленбурхъ идетъ славушка,
 Слава добрая, нарѣчье хорошее:
 Будто ты, Ленбурхъ, на краѣ стоишь,

На красѣ стоишь, на крутой горѣ,
 На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
 На трехъ рѣчушкахъ да на устьицахъ,
 Да первая рѣчушка течеть—Сакмарушка,
 Другая рѣчушка — Яикъ-рѣка,
 Третья рѣчушка — Уралъ-рѣка:
 По Уралъ рѣкѣ живутъ казаченьки,
 По Сакмарушкѣ живутъ татарушки,
 По Яикъ рѣчкѣ — калмыченки;
 Но Уралу гуляль генераль Пугачъ.
 Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
 Молодой то солдатъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говорить:
 Не дають то мнѣ волюшки во Ленбурхъ сходить,
 Во Ленбурхъ сходить — Пугача убить...

Продолжения этой пѣсни пѣвецъ, къ сожалѣнью, не могъ припомнить, и говорилъ только, что она еще довольно долга.

(Зап. мною отъ крестьянина К. Ослова, уроженца Нижегородск. г. б.)

Суворовъ Князь.

1.

(Московск. губ. г. Коломна)

Что во славномъ городѣ Брызгалъ,
 На славномъ шведскомъ курганѣ,
 Тамъ стоять были каменные палаты;
 Въ этихъ палатушкахъ подзорники были шелковые,
 Въ подзорничкахъ стояли столы дубовые,
 Вокругъ стоягъ стулья раздвижные,
 На этихъ стульяхъ сидятъ гости дорогие:
 На первомъ стулѣ сидитъ графъ Суворовъ,
 А передъ нимъ російскіе генералы
 И всѣ думчіе пріѣзжіе сенаторы;
 Они думали-гадали думу крѣпкую.
 Какъ возговорить Князь Великій:

«Вы послушайте, російскіе генералы
 «И думчіе пріѣзжіе сенаторы!
 «Намъ кого послать на прусскую границу?
 «Мухкатеръ послать — не дождешся.
 «Гренадеръ послать — не надежно,
 «А, знать, послать будетъ казачьяго осаула.»

(См. библ. А. Н. Островскимъ)

2.

(Нермс. губ. Камышлов. уѣзда.)

Сбиралася да снаряжалася
 Наша армія въ путь дороженьку,
 Въ путь дороженьку во Туречину:
 Полонить царя Салтана турецкаго,
 Не крещенаго басурманна.
 Надѣвали солдатушки ранцы тяжелые,
 Брали ружья, сабли острия.
 Подходили-то наши солдатушки
 Да ко морю синему,
 На синемъ-то да на морюшкѣ
 Нѣтъ ни лодочки ни кораблика.
 Призадумались солдатушки;
 Призадумались, закручинились:
 На чемъ же мы, добры молодцы,
 Переѣдемъ да переправимся
 Во невѣрную во Туречину?
 Глубоко ли море синее.
 Далеко ли широко раскинулось? —
 Какъ выходить тогда ко солдатушкамъ
 Енераль съдой да Суворовъ князь,
 Да какъ глянуль онъ на солдатиковъ,
 Веселешенько улыбаючись:
 «А пошто мои дѣтоньки призадумались?
 «Аль устранились моря синяго,
 «А за моремъ силы невѣрныя?
 — «Ой ты гой еси, да Суворовъ князь,

Командиръ ты нашъ, начальничекъ!
 Те страшна-то намъ сила вражя,
 Сила вражя, злая Туречина;
 Да страшно то намъ окянъ-буянъ,
 Окянъ-буянъ, море снее:
 Нѣтъ на морѣ томъ перевощика,
 Ни весельца-то да ни лодочки»....
 — Ужъ какъ гаркнетъ тутъ Суворовъ князь:
 «Ой вы гои еси, братцы солдатки!
 «Вы снимайте-ка съ плечь ранцы тяжелые,
 «Ужъ и ставьте-ка въ козлы ружья мѣткія,
 «Вы берите-ка топорики острые.
 «Вы плотите-ка мосты, плоты широкіе»....
 — Что не гулъ гудитъ по поднебесью,
 Что не шумъ шумитъ по темнымъ лѣсамъ,
 То плыветъ-летитъ наша армія....
 Злая некрестъ Турки пенужался,
 По разнымъ сторонункамъ разбѣжался.

(Зан. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Геогр. общ. А. Я. Кокосовымъ, сообщ. Л. В. Майковымъ)

Государыня въ Ярославлѣ

1.

(Новгородск. губ. Демьяновск. уѣзда.)

Здравствуй братцы молодцы,
 Ярославскіе кушцы.
 Къ Ярославлю подходили
 Съ пути ножки сповредили,
 Во походъ скоро вступили,
 Легкой шлюпочкой водили,
 Во рукахъ весла гремѣли.
 Илвнѣшенько выливали.
 Ужъ мы плыли, выливали,
 Сами пѣсни расѣввали, разговаривали:
 «Хорошо намъ братцы плыть
 «На гальерахъ гребцамъ слыть.

«Одинъ черненькій курьеръ,
«Весьма очень надоѣлъ, —
«Приказалъ пѣсни спѣваться,
«Въ рожки играть обучаться.
«Мы за то скоро взялись,
«На галерахъ поднялись:
«Ужь мы плыли, выплывали,
«Къ Ярославлю подгребали,
«Въ Волгу якоря метали,
«На крутъ берегъ выходили,
«На крутъ берегъ выходили,
«Квартирушки получили,
«Во царевъ кабакъ вступили,
«Два ведра вина купили,
«По двѣ чары на день пили,
«Чтобы веселы были,
«Веселѣ говорили, —
«Чернышевъ то генераль
«Государыню встрѣчалъ.
«За бѣлыя ручки бралъ.»

(Зап. въ 1860 г. учителемъ удѣльн. училища. Сообщ. А. Н. Майковъ)
